

Наталя Стремительна
Записки из подвала,
или дневник
практичной женщины

18+

Наталья Стремитина
Записки из подвала, или
Дневник практичной женщины.
Повести, рассказы, притчи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42642370

Записки из подвала, или дневник практичной женщины. Повести, рассказы, притчи / Наталья Стремитина. – М.: , 2019, – : Грифон;

Москва; 2019

ISBN 978-8-98862-456-1

Аннотация

Что можно получить в жизни за умеренную плату? Ответ на этот вопрос предполагает некую прагматичность, даже прижимистость. И тем не менее – в рассказе звучит романтика самой высокой пробы. Героиня борется не со временем (как можно было бы подумать), а за время – чтобы успеть сделать то, что она задумала в своей жизни, продлевая её... И наслаждаясь при этом. Так перед читателем открывается небольшой эпизод из жизни нашей бывшей соотечественницы в Европе.

В других рассказах – «Фантазии по Вагнеру», «Исцеление утром», «Случай на дороге», «Эксперимент», «Летучий голландец», «Лавка чудес» – тоже очень необычный ракурс: авторское видение иногда параллельно реальности, иногда её как

бы пересекает, порой в самых неожиданных местах. Излишне страстно и занимательно? Но ведь это женская проза! Слишком глубоко и событийно? Наталья Стремитина – автор незаурядный и очень непростой...

«В жизни и в искусстве меня привлекают люди с позитивной программой, активные и страстные. Это вовсе не значит, что я абсолютизирую все виды энергии... Однако я верю, что можно вдохнуть силу и мужество в Добро и Красоту, собственно для этого я и тружусь», – пишет о своём творчестве Наталья Стремитина. Об этом её рассказы и повести, из которых, пожалуй, самая известная – «Записки фригидной женщины».

Для ценителей настоящей прозы.

Содержание

Приглашение к книге	5
Повести	8
Записки из подвала	8
Прощание в сентябре	55
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Наталья Стремитина

Записки из подвала, или

Дневник практичной

женщины. Повести,

рассказы, притчи

Приглашение к книге

Творчество Натальи Стремитиной – одно из самых оригинальных явлений «женской» прозы в русской культуре конца XX столетия – впервые представляется в такой полноте в книге «Записки из подвала, или дневник практичной женщины».

В этой антологии мы сталкиваемся с самыми разными жанрами, однако автор неизменно нарушает их, преступая многие «культурные нормы» и «каноны» – от мини-автобиографического романа «Прощание в сентябре» до проникновенных афористических новелл: от философской притчи до документальной повести «Записки из подвала», которые органично соединяют высокую поэзию прозы и аналитическое мышление.

В самых существенных моментах творчество Натальи Стремитиной подчиняется единственному принципу: быть честным в мысли до её предела, быть честным там, где у самых радикальных умов не хватает мужества, где сам разум пытается отступить, уваливая от ответа, и загадочно умолкает.

Эта книга напоминает лабиринт – но у каждого человека свой путь в лабиринте. Лабиринт Н. Стремитиной увлекает читателя не только возможностью героического самоутверждения в любой ситуации, но и той вероятностью обретения себя ещё до обнаружения спасительного выхода.

Читатель получает приглашение к путешествию, где свет и любовь открываются не в конце пути, а в каждом моменте вашего продвижения по лабиринту: здесь и стратегия «письма» XX века – магический реализм и экзистенциализм, психоанализ и интегральные парадигмы и фантастические зарисовками в духе великого Босха.

Автору удаётся увлечь читателя, заразить его своей литературной отвагой и рассказать непринуждённо то, о чём некоторые люди боятся даже думать наедине с собой.

Однако читатель, узнав «маршруты» и фантазии автора, не должен слепо следовать им: ему нужно заглянуть в то пространство, где заканчиваются все стили и метафоры и открывается, по выражению Ж. Батая, «край возможности человека». Там и только там вы услышите подлинный голос автора.

Виталий Пацюков

Повести

Записки из подвала

«Бездумное спокойствие сторожей и уборщиц, работающих поздними ночами, сошло на нас. В загаженном мире мы, по крайней мере, очищаем хоть один наш маленький уголок...»

Курт Воннегут «Сирены Титана»

– Только непременно в зелёном пакете, вот в этом, хорошо?

– Ну конечно, – доверительно говорю я гладко выбритому старику неопределённого возраста, про которого девчонки из «шпайзезала»¹ рассказывают, что он всё ещё способен вступить в сексуальный контакт, ведь его много раз заставляли неглиже в апартаментах придурковатой Доррис, нашей самой молодой постоялицы, которую её богатые родители спихнули с глаз долой в Дом престарелых... Наверно, это всё-таки лучше, чем быть среди сумасшедших...

Герман ставит на пол бумажный фирменный пакет так, будто в нём что-то очень хрупкое и ценное, и я вижу по его движениям и просительному взгляду, как ему тяжело с ним

¹ Столовая.

расстаться. Прежде чем спуститься в мой подвал, он преодолел большие сомнения, вроде гамлетовского вопроса: «Стирать или не стирать, отдать или не отдать?»

Он очень взволнован и десять раз спрашивает меня, когда он сможет получить назад свой ПАКЕТ с совершенно чистыми вещами. Он так и говорит: «Ганц заубер, ганц заубер»² и непременно в зелёном пакете!»

Я напускаю на себя серьёзную мину и успокаиваю моего не совсем нормального посетителя как могу: «Всё будет в порядке, и с пакетом, и с майкой НИЧЕГО не произойдёт. Вы всё получите завтра после обеда».

«Морген нахмиттаг! Морген нахмиттаг!»³ – твердит он про себя и продолжает пристально вглядываться в меня – не обману ли, не потеряю ли его рубашки и майки, а вдруг?

Когда «мой клиент» уходит, я чувствую приятную усталость артиста, который хорошо провёл сложную роль на сцене. Жаль, что зрителей в моей «вашерайке»⁴ не было, а это значит, я была любезна и внимательна совершенно бескорыстно...

* * *

Странно, как по-разному относятся к моей работе обита-

² Совершенно чистый.

³ Завтра после обеда.

⁴ Прачечная.

тели Дома престарелых в 19-м районе г. Вены: для кого-то я будто не существую вовсе – австрийские дамочки из бухгалтерии демонстративно не замечают меня, они гордо сидят у компьютеров и поглощают по три обеда (благо он почти ничего не стоит, из зарплаты высчитывают смехотворно маленькую сумму), они уверены в своём неизмеримом превосходстве передо мной, ведь я почти не понимаю их быструю немецкую речь и с трудом могу ответить на самый простой вопрос. Быть немой в чужой стране – состояние крайне неприятное, но я-то знаю, что это временно и отнюдь не навсегда...

Однако для многих постояльцев нашего Дома я личность непонятная и загадочная: по понедельникам, когда мой рабочий день тянется 12 часов с 7 утра до 7 вечера, я потихоньку пробираюсь в отдалённый угол «шпайзезала» и осторожно присаживаюсь к пианино, которое, к счастью, никто не закрывает на ключ. После 17 часов я совершенно забываю о своём подвале и с упоением вспоминаю свою музыкальную программу, уповая на моторную память пальцев и слух, ведь ноты пропали в чемодане вместе с моим первым романом и сборником романсов моего мужа. Итак, я наигрываю фантастические пьесы Шумана, пару вальсов Шопена, концерт Моцарта № 23 (мне довелось играть его со школьным оркестром, когда я училась в музыкальной школе № 3 на Пушкинской площади), «Лунную сонату» Бетховена и пару этюдов Черни...

Когда всё начальство разъезжается по домам, наши старички поодиночке и группами приходят и слушают мою осторожную негромкую игру на пианино, иногда мне приходится много раз повторять одну и ту же фразу, а иногда удаётся вспомнить большой кусок из ноктюрна Чайковского, и в эти мгновения я просто счастлива. Старички рады любому развлечению, они сидят тихо и шёпотом переговариваются между собой, а самые любознательные задают мне вопросы, и я чувствую себя почти знаменитостью, которой надоедают корреспонденты...

Для постояльцев нашего Дома простейшие бытовые заботы кажутся большим событием в их жизни, даже стирка собственного белья. Мир стариков ограничен уходом за собственным телом, которое как бы становится главным, а все прочие события в мире отступают на второй план – как незначительные или вовсе не существующие. Здесь проявляет себя «стариковский солипсизм»: моё тело – это весь мир. Именно поэтому для фрау Геллерт я очень важная персона, и вовсе не потому, что наигрываю какие-то вальсы... Она звонит в мой подвал (телефон подвешен к стене и находится где-то посередине моих апартаментов) каждые два дня, будто это приемная министра, и голосом, который не терпит возражений, говорит:

– Приходите, есть работа!

Доставка грязного белья не входит в мои обязанности, но к фрау Геллерт я иду с удовольствием, ведь она любезна,

внимательна и относится к моей работе с большим уважением. Кроме того, она ужасно любопытна и ей очень интересно, кто я такая и почему попала в их Дом. Она заглядывает мне в глаза и спрашивает:

– Как поживает ваш сын, а что подделывает ваш муж? Всё ли в порядке?

Как приятно, пусть ненадолго, почувствовать себя не только придатком к стиральной машине, но и человеком со своими заботами и проблемами. Естественно, что для фрау Геллерт я стараюсь всё сделать как можно быстрее: содержимое её оранжевого пакета тут же отправляется в стиральную машину. Но, кроме благодарности за человеческое внимание, я испытываю к этой даме настоящее восхищение: она, по-своему, личность замечательная – ведь она любит своего мужа, хотя живёт с ним лет 50! Но как?! Бедного умирающего старика Геллерта она буквально вытащила с того света – поставила на уши всех медсестёр и врачей, перевернула вверх дном больницу, где он лежал (многие утверждали, что в совершенно безнадежном состоянии), и вот – теперь он ходит! Пусть при помощи костылей, но приходит на обед в нашу столовую, и фрау Геллерт гордо расчищает дорогу своему мужу – это её детище, её победа над смертью!

Разве кто-нибудь когда-нибудь догадывался, что истинная любовь продлевает Жизнь супругам, ибо в 92 года бороться со смертью в одиночку почти невозможно.

А вот моя мама не пожелала выйти замуж второй раз, она

гордо заявляла, что ей никто не нужен и «стирать чужие штаны она не намерена». Хотя поклонники были – друзья юности и сослуживцы, и очень даже симпатичные и не старые, но моя мама предпочитала путешествовать...

Сердечный приступ прокрался ночью в её одинокую квартиру в Бибирево...

А если бы рядом был внимательный друг, может быть, прожила бы не 75 лет, а все 90?

А вот фрау Геллерт постоянная деятельная забота о муже вовсе не мешает быть элегантной, а сколько в ней живой и весёлой энергии, ведь она «гоняет» в нашем Доме буквально всех: уборщиц и работников кухни, электрика, и инженера, и медсестёр – но никто на неё никогда не злится, потому что никому в голову не придёт упрекнуть её или назвать её требования чрезмерными. Нет, просто она понимает, что нужно каждый день придумывать что-то новое, необычайное: или вкусное блюдо на обед для немощного супруга, или подобрать для него новую настольную лампу, чтобы было удобно читать, и вообще всё время искать что-то, чтобы отодвинуть невидимую границу между Жизнью и смертью... Воистину она не хочет быть одна в этом мире, и я старательно выглаживаю пижамы старика Геллерта...

Я тоже борюсь ежедневно за право жить в чужой стране, куда я попала не по своей воле. «Перестройка» сыграла плохую шутку с нашей семьёй. Мой муж внезапно провалился в бизнес, будто вошёл в другое измерение, но когда я его

спрашивала, зачем ты это делаешь, он мне отвечал: «Надоело быть нищим учёным...» В догорбачёвское время у нас не было даже нормального холодильника, не говоря уже о машине. Мы привыкли к давке в автобусе и метро, жили на зарплату от получки до получки, и я лично никогда не мечтала ни о какой другой жизни, ведь в юности мне пришлось умудряться жить и на рубль в день...

Итак, была организована фирма, а через год я получила к Новому году в подарок от мужа машину с шофёром. Но не в моём характере сидеть на месте пассажира, пришлось быстро окончить курсы водителя легковушки, и я сама села за руль. Увы, с инструктором мне не повезло; видя мои волнение и страх, он без конца твердил: «Ты никогда не поедешь, смотри, как ты трясешься!» Действительно, первое время просто умирала от страха, но я знала точно, что не трусиха, недаром свою молодость потратила не только на философию, но и спорт, в котором лошади занимали не последнее место, ведь я регулярно ходила в манеж на Ленинградском проспекте, но... И тут я на практике поняла, что правильный психологический настрой делает чудеса! «Мой шофёр», им оказался милейший человек Пётр Васильевич, говорил мне ласково: «Ну что вы, Наталья Львовна! Посмотрите, вон какие люди сидят за рулём, а вы у нас и умница, и красавица, ну вы-то уж точно будете отличным водителем!» Услышав такие слова, я приосанилась и, получив от Петра Васильевича главные инструкции по вождению автомобиля

по проспектам и переулкам г. Москвы, ведь важно понять, где какие развязки, чтобы избавиться от страха неизвестности, но рядом сидел Пётр Васильевич и не только убедительно доказывал мне, что я просто прирождённый водитель, но чётко объяснял, куда и как надо ехать. Через две недели я почувствовала себя заправским шоферюгой...

Сидя в подвале в Вене, вернее, работая не покладая рук, я изнывала от шофёрской тоски, представляя себе широкие проспекты и улицы Москвы как на ладони, ведь, проездив по ней три года, я изучила столько маршрутов: к подруге Наташке на Сущевку, Юго-Запад – к Ведерниковым, Бибирево – к маме, в Тарасовку – к Тане Губер...

Однако через полгода (по австрийским законам, если ты работаешь более 6 месяцев, то можешь получить справку с работы на кредит в банке) мы купили первую подержанную машину, сняли дорогую квартиру, на которую уходит почти вся моя зарплата, и постепенно стали осваивать пространство на другой планете под названием Вена... При этом мне удаётся стоически не замечать промахов моего мужа, а сына я пытаюсь научить радоваться жизни несмотря ни на что.

* * *

В своём подвале я борюсь с потоком вещей, которые, как волны во время наводнения, всё прибывают и прибывают, и

сколько бы их ни стирал, сколько бы ни отправлял в Caritas⁵, приходится барахтаться изо всех сил, чтобы выплыть и не задохнуться.

Меня так и подмывает пойти к нашей директрисе и предложить устраивать ежемесячные распродажи или предложить наши тряпки какому-нибудь театру, как у нас было принято при социализме – «взять шефство». Но после некоторых «столкновений» с нашей шефиной я поняла, что идеи по улучшению работы нашего Дома её совершенно не занимают, а вся энергия уходит на то, чтобы найти себе нового любовника лет на 20 помоложе и чтобы властвовать над такими безропотными работницами, как я, которые даже ответить не могут на её презрительные замечания.

«Неужели так приятно унижать людей?» – думаю я, когда она врывается в мой подвал и лихорадочно ищет, к чему бы придраться. Потом я догадалась: она ищет мужчину в кипах вещей, которые сложены в маленькой кладовке! Ведь в этом подвале я работаю «соло», а она, как женщина очень даже заинтересованная в молодых мужчинах, даже представить себе не может, что я не пользуюсь случаем, чтобы заманить к себе в подвал молодого повара или электрика.

Кстати, если бы я была нормальной бабой, а не идеалисткой, с музыкальными наклонностями, наверно, я могла бы действительно увлечься нашим молодым Яном – он поляк и очень симпатичный, но главное – сильно отличается прилич-

⁵ Одна из благотворительных организаций в Вене.

ными манерами от нашей разношёрстной команды кухонных рабочих, где главную скрипку играет серб Михай, изрядный хам и пошляк. От его разговоров и жестов мне порой становится плохо, он откровенно предлагает себя, хвастаясь своей необыкновенной мужской силой.

Что мне остаётся? Но я понимаю, что главное – отвлечь малокультурного мужика от сексуальной темы, лучше всего играть роль замученной или очень озабоченной бабёнки, а поскольку я часто вижу его жену, она встречает его после работы вместе с дочкой, то я постоянно расспрашиваю его о том, где работает его красавица-жена, как учится его замечательная дочка, и эти отвлекающие маневры мне помогают сохранить с ним видимость дружеских отношений.

Итак, меня спасает природный артистизм, недаром я училась пару лет на режиссёрских курсах в Вахтанговке у Катин-Ярцева. Но неплохо действуют и подарки. В мешках, что присылают для старичков, я стараюсь найти что-нибудь для Михая – свитер или пиджак, и подношу ему эти вещи с льстивыми улыбками... Так мне удаётся удерживать его в рамках приличия... Но надолго ли хватит моей сложной игры в кошки-мышки?..

* * *

В нашем Доме отсутствие хозяйского глаза сказывается во всём, например, закупаются тонны продуктов, которые ста-

рики не успевают съесть, и большая их половина гниёт в подвале – в очередной аврал всё это выбрасывается на помойку нашими рабочими, которые не преминут рассказать об этом в подробностях.

Совсем недавно наша новая «Hausfrau»⁶, полнотелая Кристина, развешивала почти два месяца картины во всём Доме. Судя по её ловким и энергичным движениям, было ясно, что картины она различает по их тяжести и формату, а поскольку большие картины тяжелее, то все они остались висеть в вестибюле, ну кому охота тащить их наверх?

Почему-то самые фривольные сюжеты художников-авангардистов попали в отделение тяжелобольных стариков. Разумеется, никто из них на эти картины никогда и не взглянет. По-видимому, эти картины смогут облегчить труд медсестёр и «Pfleger»⁷, которые занимаются нелёгким делом – кормить ничего не понимающих стариков и содержать в чистоте их упрямые, а порой и злобные тела. Те старики, которые соблюдают правила гигиены, как правило, остаются в семье, хотя исключения бывают и здесь.

Формализм и расточительство – пожалуй, так можно назвать действия, которые вроде бы правильны, но по сути никому не приносят радости, ведь если бы украшением Дома занялся не случайный человек, а понимающий в искусстве,

⁶ Домоправительница.

⁷ Тот, кто ухаживает за больным.

то, возможно, были бы куплены совершенно другие картины, которые бы радовали глаз и сэкономили бюджет...

Да, отсутствие частного владельца – ведь наш Дом принадлежит общественной еврейской организации – сразу делает его похожим (половина средств – это пожертвования его обитателей) на государственный, а значит – не отягощённый личным пристрастием, инициативой владельца, наконец, прагматическим интересом сделать его рентабельным или хотя бы безубыточным. Я уже не говорю о священной гордости предпринимателя, для которого подчас главное – престиж своего детища, даже соревновательный принцип: моё производство – самое лучшее в городе, в стране, в мире! Это при том, что большая часть наших обитателей платит высокий ежемесячный взнос за охрану их жизни и здоровья, за особую диетическую пищу, за ежечасный уход...

Однако нынче мне отведена скромная роль сестры-хозяйки, и нечего критиковать начальство, у него свои заботы: как повысить плату за проживание и как сократить расходы, вот только куда исчезает разница между этими цифрами? Во всяком случае, премии здесь получает только начальство!

В конце концов я пришла к выводу, что если я не могу изменить порядки в нашем Доме, то свою работу я должна делать идеально. Таким образом я помогаю прогрессу, ведь для этого достаточно позволить себе маленькую роскошь – поступать разумно хотя бы изредко. Если бы один человек из сотни поступал в одном случае из 10, следуя только здра-

вому смыслу, а не тщеславию или жажде наживы, я уверена, что мир изменился бы неузнаваемо. Но, увы, это правило – «быть разумным» – почти никто не соблюдает.

В истории гораздо чаще правили миром великие злодеи и безумцы, а не великие мудрецы. А бессмысленный поступок почему-то во все времена сохраняет свою привлекательность...

Почему-то проиграть состояние в карты или наброситься на кого-нибудь с кулаками или ножом, а потом пойти к продажной женщине – гораздо легче, чем совершить великое открытие, написать симфонию, создать новую конструкцию, сдержаться в гневе или добиваться любви скромной и порядочной женщины...

Итак, опять невозможно найти разумное объяснение очередному приказу нашей очень энергичной директрисы, вот один из них: «Никто из персонала не должен заходить на кухню!» Наказание простое – мгновенное увольнение.

Не скрою, для меня этот запрет был тяжёлым испытанием, ведь я работаю в своём подвале совершенно одна. Лишь изредка звонит телефон и чей-то голос требует срочно: «Накрахмаленную скатерть в кабинет директора! Женские «Unterhose»⁸ в гериатрию на второй этаж или спецодежду для шеф-повара!» Я отвечаю по-военному: «Вас поняла, уже бегу...» Мне не нужно задавать вопросы, здесь не место для дискуссий, нужно быстро и чётко выполнить задание на-

⁸ Трусы.

чальства, и я отвечаю: «Всё будет готово «sofort»⁹!

Хорошо, что в юности я привыкла к одиночеству, и оно меня совершенно не пугает. Разве, когда мне приходилось ухаживать за моим первенцем в коммуналке, где даже телефона не было, я не была одинока? Впрочем, философские трактаты и старый рояль разделяли со мной мою каторжную семейную практику, без выходных, без праздников и развлечений... Порой приходилось бежать в телефон-автомат в московском переулке и стоять в очереди с младенцем на руках, но телефоны подруг почему-то всегда были заняты... «Сидеть с ребёнком» в те далёкие времена – означало принудительную изоляцию от общества, от работы или учёбы, от друзей и подруг. Но сидеть в буквальном смысле этого слова удавалось очень редко: сын требовал работы каждую минуту. Лишь изредка удавалось почитать. Телевизора тоже не было...

Теперь на новом витке своей жизни я научилась отделять работу рук от работы головой. Разумеется, я имею в виду не движения головой, а работу, которую производит мозг, по велению природы он находится в черепной коробке и довольно хорошо защищён...

Руками я совершаю множество действий, а головой стараюсь думать: они словно действуют отдельно друг от друга...

И тогда становится ясно, что любое дело – самое примитивное и безрадостное – перестаёт быть трудным и неприят-

⁹ Сейчас.

ным, если освещено мыслью...

Да, именно так: пока я могу думать, жизнь доставляет мне массу самых неожиданных удовольствий, ведь никто не может помешать мне вспоминать события моей прежней жизни, сравнивать, наблюдать, а иногда фантазировать и мечтать... Вот, например, когда я еду по знаменитому венскому Ring¹⁰ на трамвае и вижу здание одной из самых дорогих гостиниц, то вздрагиваю от того, что фасад этого здания как две капли похож на московский Моссовет... Вот тут и начинаются воспоминания...

* * *

Как легко, например, убеждать себя в том, что неравенства между людьми попросту не существует. Судите сами: и вельможа, и бедная маленькая работница вроде меня живут в одно Время. И как бы ни изгалялся миллионер в своём дворце с огромным бассейном, он так же стареет час за часом и неотвратимо приближается к собственной смерти.

Простые рабочие люди почти никогда не имеют свободной минуты, чтобы задуматься над пресловутым смыслом жизни, они вкалывают в поте лица. А потом отдыхают каждый по-своему, но жизнь и тех, и других идёт в одном измерении, она не замедляется и не ускоряется.

¹⁰ Центральная улица в Вене.

Кстати, далеко не всегда богатство и роскошь продлевают жизнь своим владельцам... Но я уверена, что во дворце я бы никогда не услышала такого громкого и искреннего смеха, как на нашей кухне, где царит простая повариха из России, неутомимая Аня. Она в курсе всех событий и входя в кабинет «высокого начальства», ибо тот, кто ежедневно подаёт обед директрисе, лицо доверенное и приближённое. Кстати, анекдоты и шутки сыплются из нашего поварского чистилища как из рога изобилия и передаются всему Дому, ведь здесь не только кипит суп на плите, но сама Жизнь кипит всюю!

И вот теперь меня лишают единственного удовольствия – забежать к Ане на минутку, перехватить что-нибудь вкусненькое и послушать очередную сплетню или самой рассказать анекдот из другой жизни при социализме. Право, это ужасно, я в отчаянии, дисциплина такой ценой просто невыносима. Не думаю, что обеды от этого станут лучше, нет, да и не всякое распоряжение директрисы нужно выполнять!

Я всё равно пробираюсь на кухню тайком через вход со двора. Иногда удаётся попасть на цирковое представление... Например, вчера старшая повариха Мария, большая любительница пошутить, поставила ведро с молоком на самом проходе. Официантка из столовой несла на подносе посуду и не могла видеть то, что находилось перед ней, она со всего маха грохается на это ведро... Всё летит вдребезги – крики, шум, гам. Есть работа для каждого. Михай вытирает ре-

ки молока, а мы подбираем осколки посуды и успокаиваем обезумевшую от страха Валу. Вся компания поваров ликует – здорово пошутили! Хорошо ещё, шеф вышел во двор покурить и пропустил этот маленький спектакль, что устроила «режиссёр» Мария.

Так искренне могут радоваться только дети да наши симпатичные повара. Они всегда постараются сделать так, чтобы кастрюля выскакивала из рук, причём лучше полная, чем пустая, и что-то обязательно плюхается в воду, обдав всех, кто был рядом, хорошо, что это не кипяток, а остывший кисель... Вот и ещё одна причина для смеха!

* * *

И всё-таки моя новая работа – не более чем новая роль в комедии жизни. Роль отнюдь не лёгкая, ведь целый день мне приходится лишь прислушиваться к взрывам хохота, что доносятся сверху в мой подвал. Первые месяцы физическое напряжение доводило меня до полного изнеможения. Как тут было не вспомнить юность, когда моя жизнь была похожа на лёгкую каторгу: работа в музее, философский факультет МГУ и маленький сын. Два дня в неделю привозила сына к маме... и умудрялась сбегать в театр или в кино, от семейной жизни остались стихи:

Нет в жизни ничего – такая глухота,

*И хочется зверьком забиться в угол,
И хочется завывать, не глядя никуда,
От этой немоты, от горя и обиды...*

Воистину никакой поэзии, а только боль и отчаяние, и, конечно, одиночество, это при живых-то родителях, которые, увы, не могли меня понять. И тогда слова, написанные на бумаге и произнесённые, были спасением. Ведь недаром в школе читала стихи любимых поэтов на всех литературных вечерах...

Страсть к книгам была от отца, он сам до последних дней жизни был вовлечён в круговорот происходящего – всё, что было интересного в мире, было ему важно, и мне удалось в домашнем заточении вновь открыть для себя чудодейственное лекарство – думать, записывать, читать.

В центре Москвы, в комнате с роялем, ухаживая за маленьким сыном, в перерывах между стиркой пелёнок и приготовлением еды для младенца, с прогулками в ближайшем садике, с грудью, полной молока, мне удалось находить радость в аскетическом ограничении себя, в борьбе с ленью, с несовершенством мыслей и поступков. Набросилась на книги, как монахиня в своей келье, ибо ничего другого не было под рукой. А по вечерам пела романсы под звуки старенького рояля «Schrader», что подарили моему мужу артисту старушки-дворянки, те, что приходили на концерты в небольшой уютный зал, в красивом старинном особняке на углу Хру-

щёвского переулка, где величественно и вдохновенно читал Пушкина отец моего первого сына...

Моя должность в литературном музее Пушкина называлась лаборант, но никакого отношения к химии она не имела, я была «мальчиком на побегушках» в филармоническом отделе... Звучало просто волшеббно, да и жизнь в музее была какая-то фантастическая... Научные сотрудники писали диссертации на самые немыслимые темы, а я собирала публику на концерты и бегала с цветами к великим артистам – например, к Дмитрию Журавлёву – он тоже вдохновенно читал Пушкина...

Свою диссертацию я так и не дописала. Всё перевернула в моей жизни внезапная сумасшедшая любовь, которая сорвала с места и закружила, и всё поставила с ног на голову. Как будто мой одинокий труд был услышан и принят, и открылась дверь в другой мир, кончилось одиночество, появился смысл во всём происходящем, и возблагодарила судьбу за испытания, что принесли такую неслыханную радость...

* * *

Каждое утро перед работой я прохожу через небольшой парк. Большинство нормальных людей спешат на трамвай, всего одна остановка, но лишь бы не утруждать себя, а я с восторгом заворачиваю в тёмную аллею и жадно вдыхаю чистый воздух. Времена года проходят передо мной постепен-

ной чередой света и тьмы, цветением незнакомых растений и причудливых деревьев. Разгар весны – буйство красок в прозрачной дымке, уголки японского сада и неугомонные дрозды, которые поначалу меня даже пугали.

Если я успеваю на «schnellbahn»¹¹, то у меня в запасе перед работой целых 15 минут! В это утро у меня настоящий праздник – прогулка под пение птиц и дыхательная гимнастика по йоговской системе. Свободные люди, которые вовсе не обязаны вставать в шесть утра и бежать на работу к семи, разве они могут насладиться всей этой красотой так же, как и я?

Внимательно рассматриваю деревья, на которых в начале мая раскрываются огромные розовые бутоны с мясистыми лепестками вроде магнолий, они напоминают хищную красоту девочек с «Gurtel»¹², будто заманивают в опасные сети плотской страсти... Зато клумбы синеют нежными незабудками, яркими маками и папоротниками – это сама гармония. Все эти изощрения садового искусства у меня перед глазами, моё воображение расставляет их в диковинные вазы, я вдыхаю их аромат, они украшают мой подвал...

Вот и ещё один парадокс: живёшь в большом городе, благоговеешь перед клочком зелени и умиляешься, если этот клочок – куст сирени или просто репейник, а если живёшь на краю поля и леса, только и мечтаешь, как бы побродить

¹¹ Электричка.

¹² Улица-кольцо, где много злачных заведений.

по шумной улице и вдохнуть аромат разогретого асфальта. Но может быть, у нормальных людей всё по-другому?..

Мои первые детские игры проходили на асфальте большого города под грохот трамваев и машин. Окна нашего коммунального рая из двух комнат выходили на Садовое кольцо, гул улицы не умолкал ни ночью, ни днём. Рядом приютилась площадь из трёх вокзалов, откуда потоки людей врывались в столицу в надежде на новую прекрасную жизнь. В школу меня водила строгая бабушка и крепко держала за руку – перейти широченное Садовое кольцо без взрослого было рискованно: водители грузовиков гнали так, будто, сев за руль, они навсегда потеряли способность быть пешеходами и им глубоко плевать на маленьких смешных людей, что ходят своими ногами...

Газон перед моей первой школой был подарком: зелёная трава и бюст великого русского поэта Некрасова, глаз радовался, я испытывала первобытный восторг перед частичкой природы в каменных джунглях. Вот и моя утренняя прогулка по парку – это возвращение в детство...

* * *

Позвонки по утрам совершенно не хотят вставать на место – приходится сесть, закинуть голову как можно дальше назад – раздаётся хруст, но боль проходит – совсем недавно я узнала, что это называется мануальная терапия, попросту

работа с позвонками. Теперь можно ещё раз потянуться и встать. На часах без пяти минут шесть.

Удивительная штука жизнь – надо всё время бороться с собственной ленью: по утрам растягивать своё тело, как это делали наши первобытные предки, что спали в дупле или на голой земле, – прошли миллионы лет, прежде чем люди научились строить хижины с тёплой водой и отхожим местом. Разве наши предки могли позволить себе болеть? Они просто коченели до смерти на внезапном морозе или падали в яму, усердно выкопанную врагами из соседнего племени...

Однако мои размышления не мешают мне быстро одеваться: всё необходимое я приготовила вечером накануне, чтобы не метаться по комнате и не искать. Одежда должна быть простой и удобной: футболка из х/б, шерстяные колготки, брюки и свитер – никаких поясов и пуговиц. Прошло три минуты, и я застегиваю молнии на сапогах без каблуков, чтобы удобнее было нажимать педали в моей первой венской машине «Оппель-Аскона», которую я вожу вот уже два месяца.

Как я мечтала о машине! А теперь моё шофёрство – сплошная мука. Надо осваивать чужой город: разворачиваться на узенькой улочке, потом искать место для парковки. Какие широкие полупустые улицы были в Москве, но разве можно было оставить машину надолго без присмотра?!

Да, в каждом городе свои проблемы, и всё-таки езда на «шнельке» куда спокойнее – сиди себе и почитывай книжку

и поглядывай в окно, но охота пуще неволи. Завожу мотор и смотрю на себя в зеркало – вижу совершенно сонное лицо, энергично мотаю головой: вперед-назад, влево-вправо. Я заставляю работать свои кровеносные сосуды – новая порция крови пошла к мозгу, правда, нынче для меня гораздо важнее мои руки, чем голова...

Новая работа мне нравится – приятно сознавать, что твой труд кому-то нужен. Я завоёвываю уважение коллег не интригами и лестью, а только работой. Это моя разменная монета – быть внимательной и прилежной.

Медсёстры полюбили меня далеко не сразу, им всячески хотелось показать своё превосходство, но моё терпение и аккуратность доконали и их, ведь я предупреждаю любые просьбы и делаю всё чётко и быстро. Даже старшая медсестра фрау Марта перестала покрикивать на меня. Ровно в 7 часов около её двери висит чистенький выглаженный халатик. Мне кажется, что теперь она раздосадована тем, что ей не к чему придраться.

Первое время никто не мог поверить, что какая-то учительница из России (я никому не рассказывала о том, что я журналистка и издала свою первую книгу в Москве) сможет справиться с такой тяжёлой работой, да ещё с улыбкой. Впрочем, улыбаться я начала не сразу, первые три месяца я работала как муравей, который попал в чужой муравейник и должен доказать, что он чего-то стоит, иначе новые сородичи его просто сожрут. Но мне удалось не только справиться

со всеми маленькими и большими делами, но и научиться получать удовольствие от всякой работы, как бы дурно она ни пахла.

Меня спасли размышления на эту тему: врачи тоже делают грязную работу, ведь они оперируют тяжелобольных – тут и кровь, и экскременты, но профессиональный долг врача – не брезговать человеческим телом, как бы оно ни было отвратительно в моменты рождения, болезни и смерти.

Почему большинство людей уверены в том, что они должны делать только чистую и безопасную работу? А кто будет принимать роды или тушить пожары?

Не скрою, первое время меня выворачивало наизнанку от запаха грязного белья, но я боролась со своей брезгливостью и победила её, мне кажется, что я стала мудрее, ведь мне удалось принять человека всего целиком, а не только его верхнюю часть, что производит мысли и слова. Увы, мы все привязаны к нашему телу, и если оно перестаёт выбрасывать нечистоты, то мы корчимся от боли и забываем о возвышенных рифмах и высоких идеях.

Я нашла в себе силы подружиться не только с симпатичными пожилыми людьми, но и относиться вежливо и сдержанно даже к тем, кто давно выжил из ума и потерял способность к благодарности и к общению. А некоторых из них мне удалось сделать добрее, ибо я сама была к ним терпелива и снисходительна.

Работа в Доме преобразила меня: во-первых, я увидела

жизнь совсем с другой стороны, но это не разозлило и не разочаровало, просто мне стало ясно, что возможности человека поистине безграничны, он может приспособиться к любой ситуации. Может быть, именно поэтому люди, что вернулись из сталинских лагерей, сохранили олимпийское спокойствие и продолжали жить как ни в чём не бывало. А у меня всего-навсего работа, а не тюрьма и не лагерь.

* * *

Должна честно признаться: меня спасает Музыка. Какое счастье, что есть магнитофон и можно работать под Моцарта, Гайдна или Чайковского. Предаюсь воспоминаниям, а в это время быстро и ловко подшиваю слишком длинное платье или старательно выглаживаю старинные кружева на скатерти, которую делали мастерицы в начале XX века. Но есть работа и попроще – пришивать пуговицы вручную, но с напёрстком, ведь кители поваров сшиты из очень плотной ткани.

Жаль, но шить на электрической швейной машинке под музыку не удаётся – слишком громко она стрекочет, приходится слушать учебную плёнку с непонятной немецкой речью. И опять я пытаюсь доказать себе, что любая форма деятельности – это всё равно жизнь.

И если какой-нибудь султан праздно лежит под балдахинном и его ублажают звуки лютни и голые танцовщицы, а дру-

гой человек копает канаву или варит обед на сто человек, то совершенно неизвестно, кто счастливее.

Вы помните миллионера из пьесы Максима Горького «Дети солнца»? Главная героиня полюбила не его, а инженера, который работал в поте лица и мечтал о прекрасной жизни для всех людей, а миллионер в отчаянии покончил с собой. Чем это объяснить? А вот скучно ему было жить на свете, не мог себя по-настоящему занять, увлечь... Вот и получается, что его погубило богатство и праздность, и на этой почве выросли отвратительные сорняки – скука и лень.

В сущности, у любого человека есть выбор: если нет материального, тогда притягивает духовное, а нет духовного, тогда только и остаётся, что подсчитывать ежедневную выручку. Но у материального есть естественный и физический предел, а у духовного – предела нет! Вот и ещё один парадокс: сколько бы ни прочитал книг – истина ускользает, вопросы прибавляются, сколько бы ни думал о загадке бытия, а решить эту задачу даже в наш космический век не под силу самым современным наукам. Итак, духовный процесс бесконечен, а материальный конечен. Вот, например, у великого Крылова он закончился смертью по причине обжорства... А ведь какие замечательные басни он перевёл и записал – здесь уже смешение материальных излишеств с духовными шедеврами...

И всё-таки неудобно спать на кровати в километр и не нужен огромный обеденный стол – пространство жизни, даже

самой роскошной, ограничено размерами тела: а в спальне невероятной длины не найдёшь любимого мужа, а за километровым столом будешь чувствовать себя одиноко и не разглядишь своих прекрасных гостей. Да, не нужно человеку больше того, что может увидеть глаз и осязать рука, а самая страшная пытка ничегонеделания гораздо страшнее самой непосильной работы. Наверно, лишь тратя энергию, борясь с видимыми и невидимыми врагами, даже содрогаясь от отращения или возмущаясь и мучаясь, мы и живём в полную силу...

* * *

Именно здесь, в этом подвале, я поняла, что нормальная и светлая усталость приходит только после усилий тела и духа. Вот откуда берётся эта странная внезапная радость, которую испытывает человек, который потерял всё: город, в котором родился и вырос, друзей, интересную работу и даже завистливых врагов. И вдруг ты будто свалился с небес и узнал, что делается на земле. Да это настоящее приключение, над которым могли бы смеяться или плакать зрители, если бы присутствовали в зале на представлении пьесы, которую придумала за автора сама жизнь. Итак, ценность того, что имел, понимаешь только тогда, когда теряешь привычный распорядок удовольствий и забот. И здесь я открываю для себя первый закон оптимиста:

Любая новизна – подарок!

В чём бы это ни проявлялось – в богатстве или бедности, в здоровье или болезни, все перемены требуют от участника событий новых решений, борьбы с самим собой или новыми обстоятельствами. Вы помните одну удивительную историю о человеке, которому врачи предсказали скорую смерть, а он вместо того, чтобы тихо и безрадостно умирать в собственной постели, отправился в путешествие на корабле, и оказалось, что врачи ошиблись лет на 20! Может быть, именно *новизна* была главным лекарством от самой страшной болезни, просто сами врачи не знали об этом...

Итак, я продолжаю рассуждать на эту тему. Кстати, почему актёры живут довольно долго, может быть, потому что они имеют возможность часто менять свои роли? Значит, человек, который может «организовать» себе нечто совершенно *неожиданное*, и есть самый богатый и самый счастливый человек в мире.

* * *

Итак, из научного зала № 3 библиотеки имени вождя я оказалась в подвале с грязным бельём, однако я остаюсь любознательной личностью, и у меня есть пространство, где я царю безраздельно – мои главные апартаменты. Я стою у гла-

дильной доски и могу смотреть в окна, что выходят во двор, там прогуливаются обитатели нашего Дома и полицейские с собаками – охрана от террористов, ведь Дом принадлежит Еврейской общине.

Здесь я решаю судьбу вещей. Мои милые беспомощные платья и блузки, штаны и подштаники, ночные рубашки... Они взывают ко мне о помощи. Грубые равнодушные машины сдирают с них пуговицы, рвут, иногда просто разрывают в клочья, а я пытаюсь вернуть их к жизни. Если бы вещи умели говорить, они, наверно, просили бы меня: «Выпусти нас из подвала, позволь явиться к людям! Мы так хотим, чтобы нас носили! Нам вовсе не нравится лежать тут на полках без всякого движения, ведь наше назначение – охранять людей от холода и даже придавать их телам изящество и привлекательность».

О, если бы все мыслимые и немыслимые просьбы выполнялись. Как было бы здорово, если бы мы могли услышать непроизносимое. Однако я не устаю удивляться: какие странные метаморфозы происходят с платьями и юбками! Вот я держу скомканную цветную тряпку и поначалу не могу понять, что это такое. Но когда начинаю выглаживать замысловатые узоры, оказывается, в умелых руках (разумеется, это мои руки) этот кусок материи превращается в халат непривычного фасона из экзотической страны, смотрю на марку – Индонезия! А ведь это чудо можно было попросту выкинуть – приняв оригинальный орнамент за грязные несмываемые

пятна... Разве не чудо – увидеть красоту там, где её никто не заметил! «Сколько причудливого гибнет на свалке истории, – думаю я, – только потому, что кому-то было лень посмотреть внимательно на вещь или на человека?!»

Как мне нравятся чудеса портновского искусства! Мне удаётся находить среди старого обшарпанного тряпья маленькие шедевры человеческой фантазии и трудолюбия – просто упиваюсь неожиданным сочетанием цветов и формой рисунка и чувствую себя охотником за прекрасным, даже если иду по улице и выхватываю внимательным взглядом нечто, потерянное случайным прохожим.

Музейное воспитание сыграло свою роль: люблю всё старинное, добротное, сделанное век назад не машиной, а руками неведомого мастера или мастерицы, которых подгоняло то же чувство прекрасного...

* * *

Когда в потоке вещей из дальних стран или от родственников наших постояльцев мне попадает модная одежда, которая никак не подходит нашим старичкам, я стараюсь отдать её молодым девчонкам, что работают в нашей столовой, и получаю истинное удовольствие от того, как они самозабвенно крутятся перед зеркалом, а потом убегают счастливые с пиджаком или юбкой из моего подвала.

Почему-то я совершенно не завидую их молодости, а ведь

многие из них ужасно хорошенькие, стройные и тоненькие, но всем им не хватает уверенности в себе, жизненного опыта, и почти все они зациклены на своих «тяжких» проблемах, маленьких ежедневных событиях, а я слушаю их взволнованный шёпот и улыбаюсь.

– Фрау Марта сказала, что суп сегодня был невкусный, ты представляешь? А фрау Эстер принесла диабетический огромный кусок торта, от которого ему стало плохо! Но ей почему-то всё сходит с рук! А меня, наверно, скоро выгонят, ты помнишь, как на меня посмотрела утром фрау Кристина? – говорит Валюша, самая молодая в нашем Доме.

Совсем недавно она училась в университете, собиралась стать программистом, но вся семья решила уехать из России – мама с сестрой в Израиль, а она с мужем в Вену, надеялись на помощь родственников, но дядя мужа наотрез отказался помогать – устраивайтесь, как знаете. Но разве это трагедия – быть молодыми и самим пробиваться в жизни? Я каждый раз пытаюсь им напомнить, что в 25 лет ничего нестрашно, ведь главное достояние – это время, а значит, всё ещё можно успеть. Главное – не впадать в уныние, не отчаиваться – нужно действовать, на то и пословица есть: «Под лежачий камень вода не течёт!» И в который раз я повторяю: всё будет хорошо, всё в вашей жизни будет просто замечательно – как будто в моём подвале происходят занятия психотерапией...

Свои беседы я веду между глажкой и беготнёй в душную вашерайку под гул постоянно работающих стиральных и су-

шилльных машин – кругом висит бельё, и только слив для воды связывает этот ад с внешним миром... Но весь этот антураж нам не мешает, и я вижу, как светлеют лица у моих молодых товарок, мои слова, пусть ненадолго, но подбодрили их, растерянных и напуганных соотечественников, которые ехали на Запад в надежде на лёгкую и беззаботную жизнь...

Девчонки уходят, надо приниматься за груды халатов для медсестёр, иногда набирается штук 20. Предпочитаю работать быстро, соревнуюсь сама с собой. Вчера гладила халат за восемь минут, а сегодня за шесть. Если постараться, то можно довести это время до рекорда – 5 минут!

«Нет предела совершенству и скорости», – думаю я и смеюсь над собой. А вдруг кому-нибудь придёт в голову организовать конкурс гладильщиц, вот тогда и посмотрим, кто кого!

Кто бы мог подумать, что мамино воспитание мне так пригодилось в трудную минуту, вот когда я оценила её твёрдый характер, ведь это она научила меня шить и долго приучала к любому труду, причём всегда говорила, что даже самую грязную работу надо делать с удовольствием. А потом я прочитала у Станиславского его знаменитую формулу: надо сделать трудное лёгким, а лёгкое – приятным... Итак, я работаю по Станиславскому!

И всё-таки гладить стоя, даже под музыку, – довольно утомительное занятие; как бы ни были прекрасны ночные рубашки и юбки для старичков, наступает состояние, когда хо-

чется присесть на краешек стула и открыть книжку, которую я читаю в дороге, но не тут-то было... В тот момент, когда я, будто маленький воришка, пытаюсь прочесть хотя бы одну строчку, с шумом распахивается дверь и в мой подвал врывается одна из моих начальниц – неутомимая фрау Эстер. В ней клокочет удивительная энергия бессмысленного движения: она бегает по дому целый день, как человек, который не знает, зачем и куда он бежит, но не может остановиться.

Топот её ножек разносится повсюду, и это в какой-то степени спасает зазевавшихся старушек, которые прячутся от неё в свои комнаты, а сотрудники быстро тушат сигареты и демонстрируют удивительную прилежность в вытирании пыли, спасении цветов от засухи и сопровождении избранных постояльцев в клубное помещение, но только тех, кто не может запомнить туда дорогу...

Худенькая женщина маленького роста, неопределённого возраста (маленькая собачка до старости щенков), она очень гордится своей должностью «Hausfrau» и очень хочет, чтобы её почитали и высоко ценили. Однако все её старания (очень для меня странные – бесконечные жалобы начальству, слезка и омерзительная клевета) привели к тому, что младший персонал её ненавидит и боится, а все остальные просто потешаются над ней или не замечают вовсе.

А ведь живи она несколько веков назад в Испании или во времена сталинизма в России, отправила бы на тот свет не один десяток людей. И откуда берутся такие странные люди?

Скорее всего, это одна из форм социальной адаптации личности слабой и бездарной, это её борьба за выживание, попытка дотянуться или встать выше остальных людей, до которых невозможно достать ни умом, ни другими способностями, которых попросту нет...

В нашем доме из-за её наветов выгнали с работы троих, меня она чуть не довела до психушки – а ведь я, как вы уже заметили, не робкого десятка, но от её придировок мои нервы настолько разладились, что я вскакивала часто среди ночи и продолжала дискуссию с достопочтимой фрау Эстер...

Нет ничего более фальшивого, чем её голосок и улыбка! Могу себе представить, что она была бы идеальным персонажем в комедии Мольера со своими лицемерными поцелуями, которыми она пыталась одарить меня в начале нашего недолгого знакомства... А когда я надоедала своим коллегам рассказами о её тихих пакостях, мне никто не верил, понадобилось полгода, чтобы девочки из столовой, медсестры и повара наконец разобрались, кто есть кто.

Даже наша директриса – и та очень долго жалела «бедную вдову», которая рыдала и жаловалась на жестоких ужасных сотрудников Дома, среди которых я занимала не последнее место...

* * *

Итак, моя старая жизнь слетела с меня как поухлая

листва с деревьев – для того чтобы не погибнуть, а за долгую зиму подготовиться к новому цветению. На смену прежним мечтам пришли новые, а значит, жизнь не остановилась, а продолжается, и никто не знает, что ждёт меня и мою семью в будущем.

Разве я буду брать пример с неисправимого пессимиста? Даже если он король, то трон ему кажется слишком жёстким, а придворные – глупыми и ленивыми дураками. Оптимист вроде меня счастлив, если вовремя поспел на трамвай, если он или она в состоянии заметить, что небо вдали голубеет и постепенно раздаётся розовым светом, и вдруг – как чудо – в утренней дымке проступают очертания готического собора, и есть пять минут для созерцания прекрасного, если... Вот и родился ещё один закон оптимиста:

Никогда не терять интерес к происходящему!

Но без парадокса так было бы скучно жить на свете, так вот, признаюсь, что никогда ещё чтение самых замечательных книг и размышления на самые интересные темы не давали мне такой простой радости, как выстиранная и выглаженная мной рубашка, аккуратно сложенная в пакет, и благодарный человек, который собирается её надеть.

Никогда не думала, что так важно ощутить сиюминутную полезность своего труда и увидеть результат, но не опосредовано – где-нибудь в отдалённом будущем, когда кто-то про-

чтёт твой рассказ, или статью, или книгу, которую ты наконец напишешь и издашь, которую, скорее всего, никто и не заметит вовсе, но ты всё-таки надеешься, что этот кто-то улыбнётся или задумается.

Но ты никогда не увидишь этого человека, потому что письма в редакцию чаще всего пишут люди, которые хотят только критиковать, а часто это ханжи или завистники, которые начнут придираться к одной-единственной неудачной фразе в твоих излияниях и не заметят в ней ни ума, ни таланта... А ты будешь тихо мечтать о неведомом читателе, который разделит твоё одиночество...

* * *

Однако нынче мои зрители – безгласные вещи. Они покорно лежат стопками разных цветов, а у меня очень мало времени, чтобы оказать им достойное внимание. Для меня это всего лишь ПОТОК вещей. Разбираю новую порцию подарков от богатых родственников и беру в руки хорошенькое платье в горошек, вижу маленький разрыв по шву. Сразу вопрос: выбросить или зашить? Нас вечно окружают гамлетовские сомнения! А работы всего на пять минут, вот только сегодня срочно нужны тряпки на кухню, а платьев здесь хватает, к тому же пришлось бы менять нитку в швейной машинке, а ещё столько неотложных дел... вот и летит это совсем «юное» платье в пакет погибших вещей. Скоро я его безжа-

лостно искромсаю большими ножницами на тряпки: в рубашках я избавляюсь от воротничков и манжет, а платья режу на правильные квадраты.

Попав на кухню (судьба бывшего текстильного шедевра), он прикоснётся последний раз к разделочному столу и впитает запахи и остатки продуктов, из которых готовят еду, а потом его швырнут в мусорное ведро. Вот так же КТО-ТО владеет моей судьбой и решает, куда пустить моё Существование на этой планете – бросить в тряпки или вернуть к нормальной жизни среди людей. Есть ли надежда, что этот КТО-ТО будет в хорошем расположении духа и у него будет время, чтобы разглядеть мои трудолюбие и упорство?! Впрочем, я опять замечталась, а на кухне нетерпеливая Мария ждёт стопку бывших вещей.

* * *

Три раза в неделю в моём подвале аврал – прибывают вагоны с чистым бельём. Это, конечно, не железнодорожные вагоны, а алюминиевые тележки-стойки на колёсиках, доверху набитые простынями, пододеяльниками, рубашками, преимущественно ночными, и всем тем, что необходимо нашим старичкам и ночью, и днём.

Я деловито смазываю руки кремом, надеваю белые нитяные перчатки и, как заправский хирург, принимаюсь за работу. Прежде всего, надо всё разложить по местам: пижамы

и халаты, рубашки и свитера, платья и блузки, горы полотенца: махровые, кухонные и банные и эти бесконечные маленькие квадратики, которые почему-то заменяют австрийцам русскую мочалку.

Один вагон надо отобрать для старичков на первом этаже, ещё один – для лежачих на втором, здесь в пользовании только ночные рубашки для тех, кто уже не может самостоятельно двигаться. Их кормят, моют, выводят на короткую прогулку, но это уже не жизнь, а всего лишь доживание – старческое слабоумие и полная беспомощность. И дело во все не в возрасте – среди самостоятельных постояльцев есть дамы и за 90! А здоровым можно быть и в 94 года!

Возраст жителей нашего Дома колеблется от 80 до 103, а наша ветеранша, фрау Виммер, в свои 103 года сама приходит на завтрак в столовую, чистоплотна и опрятна, но самое удивительное – она сохранила неизменную доброжелательность в общении с персоналом и соседями. Это качество у старичков после 88 лет встречается крайне редко. Чаще всего пожилые люди подозрительны и агрессивны и напоминают одичавших человекообразных обезьян. Иногда в столовой возникают даже стихийные потасовки по самому незначительному поводу. Но люди культурные, интеллигентные сохраняют здравый ум, несмотря ни на что. Вот, например, фрау доктор Хаббер. Ей всего-навсего 92 года, а она живо интересуется всем, что происходит в мире, читает газеты, обсуждает политические и научные новости, пишет письма в

разные концы света своим бывшим коллегам и проявляет интерес даже к молоденьким официанткам, которые обслуживают её в столовой. Услышав, что я неплохо играю на фортепиано, она даже пыталась найти мне учеников, чем растрогала меня до слёз.

Однако большая часть пожилых людей всё время погружены «в себя» и ничего и никого не замечают вокруг. Их мир постепенно сужается до размеров их собственного тела, я называю это явление «старческим солипсизмом» – весь мир во мне самом. Но из каждого правила, к счастью, есть исключения. В нашем стариковском пансионе оно тоже есть – это достопочтимая фрау Бучер. Ей немногим больше 90, но она старательно молодится и говорит, что ей только 88 лет. Наверно, ей очень нравится эта цифра, ведь на морском языке это означает что-то вроде большой удачи – две «бесконечности», перевёрнутые на 90 градусов. Но что меня более всего в ней восхищает, так это её ненавязчивая элегантность: она всегда аккуратно причёсана и активно пользуется косметикой, и, что удивительно, румяна ей идут и не кажутся неуместными. Но главное её достоинство – обаяние, которое буквально обволакивает собеседника, при этом сознательная ирония к себе самой и к своему возрасту.

Если фрау Бучер обращается к вам с какой-нибудь просьбой, она непременно подчеркнёт, что, поскольку она «мишугин» (на иврите это означает не совсем нормальный человек), то просит очень и очень сделать то-то и то-то. Она

кокетлива и мила настолько, что так и хочется поцеловать её в надушенную щёчку. Если приходится столкнуться с фрау Бучер на каком-нибудь перекрёстке в коридорах нашего Дома, то, как бы ни спешила, а услышишь «фрейлин» или «паненка», обязательно остановишься и поговоришь с ней о каких-нибудь пустяках, и чувствуешь себя бездомной кошкой, которую вдруг приласкали да ещё дали кусочек чего-то очень вкусного.

Увы, ещё одно распоряжение нашей директрисы гласит: «Персоналу запрещается разговаривать с постояльцами Дома». Наше начальство пресекает в корне тёплые и доверительные отношения стариков с теми, кто их обслуживает. Я долго не могла понять – почему; оказалось, что таким образом ведётся борьба с получением чаевых... Наши дамочки из кабинетов не могут себе представить, что кто-то будет разговаривать со стариками совершенно бесплатно. Однако мне и другим моим коллегам чаще всего приходится быть бескорыстными собеседниками. Но никто об этом не жалеет, а администрации и в голову не приходит, что мы, эмигранты-сотрудники, так же нуждаемся в человеческом внимании, как и наши брошенные родственниками старики, они одиноки в силу своего возраста, а мы с трудом адаптируемся в чужой стране и тоже одиноки по-своему.

Но, к счастью, наша работа не даёт нам скучать, а фрау Бучер всегда находит для себя занятие по душе: если она одна в своей уютной комнате, то непременно кушает конфетки

или шоколад, что вовсе не лишает её аппетита за обедом. Если хорошая погода, она прогуливается в нашем маленьком саду и с радостью вступает в беседу с каждым, кто выказывает хоть малейшее желание обратить на неё внимание.

Всё это я наблюдаю, стоя у гладильной доски перед продолговатым окошком, что выходит во двор. Да если бы в нашем Доме жили ещё несколько таких милых пожилых дам, то наша работа показалась бы нам праздником, но фрау Бучер – единственная в своём роде. Вот ещё одна черта её характера: она никогда ни на кого не злится, наверно, потому, что она совершенно довольна собой и прожитой жизнью. Она с упоением вспоминает свою молодость, брак с красивым и умным дипломатом, его портрет красуется на видном месте в её комнате. С мужем она ездила по свету. В заграничном паспорте, который она мне гордо показала, стоят визы всех европейских стран. В Париже она жила несколько лет, и я пытаюсь вспомнить несколько фраз из забытого французского, который учила в университете.

Мы часто обмениваемся с фрау Бучер традиционными вопросами: «Комман та ли ву?» (Как идут дела?). Увы, молодая красивая женщина осталась только на фотографиях – бал в каком-то дворце, приём в посольстве Швеции, необыкновенные наряды, красавец-муж рядом во фраке... Какая-то нереальная жизнь проходит передо мной на этих старинных фотографиях, и фрау Бучер, улыбаясь, говорит: «Да, я была любима!» Глядя на неё, я думаю, что если ей удаётся даже в

свои 90 лет привлекать людей, то что же творилось в дни её молодости? Она горда прожитой жизнью и без горечи и печали смотрит в окно, она знала много солнечных дней в своей жизни.

Но однажды я узнала от медсестры, которая делает фрау Бучер регулярно уколы, что после внезапной смерти мужа ей пришлось уехать в Австралию к родственникам, и там она работала продавщицей апельсинов! Чуть ли не 20 лет! Это меня так поразило, что я не могла прийти в себя от этой новости, ведь фрау Бучер держится как настоящая герцогиня. Неужели можно сохранить внутренний аристократизм и быть продавщицей апельсинов?

В сознании бывшего советского человека торговля ассоциируется с толпой, грубостью, хамством... Не огрубеть, не возненавидеть людей за то, что тебе приходится их обслуживать, – разве это не чудо? Кроме того, человеческая память очень хитро сохраняет в сознании то, что приятно вспоминать, и напрочь стирает то, что хочется забыть.

Наверно, с фрау Бучер именно это и произошло: она вычеркнула из своей памяти какие-то 20 лет жизни и вспоминает только приёмы у английской королевы, путешествия и красивые отели в столицах Европы. Точно так же она относится и к своей старости – она её просто не замечает, а продолжает радоваться жизни и сейчас, когда её тело согнуто и одно плечо возвышается над другим, но она так умильно скидывает на вас глаза, что вы не видите недостатков её фи-

гуры, а непременно ласково дотронетесь до её плеча и постараетесь помочь продефилировать к своему месту в столовой...

* * *

Неделя проходит на удивление быстро: не успела оглянуться – вот и утро пятницы. В этот день все разговоры отменяются, никаких анекдотов на кухне, надо приготовить всё для старичков впрок на два дня вперёд, значит, пятница – самый трудный день недели, ведь нагрузка увеличивается в три раза. Но зато с каждым часом ты приближаешься к заветному времени свободы...

Итак, что нужно для всего Дома. Я не надеюсь на свою память и держу перед глазами целый список дел: кухня – спецодежда для рабочих, халаты для поварих, кители для мужчин, комбинезоны для рабочих, на спецовке у шеф-повара откипятились все застёжки, а машина-пришивалка не работает – придётся срочно искать пуговицы и пришивать вручную. Рабочий Гриша умолял найти ему свитер, медсестра Нора потеряла свои халаты, нет ни чистых, ни грязных – вот и выходи из положения как знаешь. Таких маленьких и больших дел набирается целая куча, но ещё предстоит разобрать сотни две полотенец, простынь и платьев для здоровых и больных старичков.

Часам к трём моя битва с горами белья заканчивается, они

разложены аккуратными стопками, и скоро за ними придут рабочие. Наконец можно вздохнуть спокойно – всё поглажено, пришито и отправлено в тележках по назначению.

Вдруг – звонок, будто мне звонят с капитанского мостика в машинное отделение нашего огромного стариковского корабля и просят прибавить тяги... «Неужели что-то забыла?» – спрашиваю я и понимаю, что действительно забыла про носки и чулки...

«Поняла, всё будет сделано, скоро отправлю», – уверенно говорю я. Придётся обойтись сегодня без чашки кофе...

Вот он – огромный мешок, набитый чистыми, но совершенно перепутанными носками и чулками всех мастей и размеров. Для начала операции освобождаю огромный продолговатый стол – метра три в длину и полтора в ширину, это моя палитра, разноцветные носки и чулки – это мои краски. Вначале я раскладываю всё это богатство аккуратными рядами, ориентируясь на форму и величину, – длинные налево, короткие направо. Носки, разумеется, отдельно, чулки отдельно.

И что же я вижу? Все они самых разных оттенков, разного качества, и нет ни одного похожего друг на друга?! Вдруг где-то мелькнёт красный или чёрный, как диссонанс, как безумное отступление от серой и коричневой безликой нормы. Просто поразительно, что из трёх десятков женских чулок примерно одного цвета – все разных оттенков, все разной формы, и соединить их попарно кажется просто невозмож-

ным. А ведь их делали на машинах, причём сотнями, тысячами, а они здесь, на этом столе, вопят о своей индивидуальности, и каждый, как произведение фабричного искусства, совершенно не хочет иметь друг с другом ничего общего.

Так что же удивляться, что люди, которых создаёт его величество Случай или генетический конвейер Природы, так непохожи, так строптивы, так несоразмерны по способностям и характерам и совершенно, совершенно не хотят соединяться в Пары!

Однако эти невесёлые размышления не мешают мне быстро перебирать моих трикотажных героев, и постепенно я всё-таки нахожу для большинства из них сородича, а иногда мне удаётся отыскать пару какому-нибудь совершенно безнадёжному чулку с зеленоватым отливом. При этом я радуюсь так, как будто решила судьбу двух людей, которых разлучила жестокая прачечная... Остальные потерянные одинокие носочки безжалостно отправляются на помойку: кому нужен один носок или чулок? Слава Богу, в нашем Доме все имеют по две ноги.

* * *

Рабочий день пятницы подошёл к концу. На кухне мы дружно желаем друг другу хорошей «вохеенде» и разбегаемся кто куда. Итак, я принимаю душ, переодеваюсь и скоро выйду из моего почти уютного подвала. Сегодня я не буду

бродить по центру и заворожённо разглядывать имперскую архитектуру Вены (хотя нормальная «фрау» должна бы спешить домой). О нет, сегодня я могу себе позволить маленький праздник – в Государственной венской Опере дают «Пиковую даму» Чайковского на русском языке, а Германа поёт сам Атлантов. Это событие нельзя пропустить русскому человеку, живущему в Австрии.

Пробираюсь к боковому левому входу в оперу, занимаю очередь на стоячие места. Они хоть и дешёвые, но требуют настоящего мужества от любителей музыки, ведь надо стоять не только во время спектакля, но пару часов в очереди перед кассой... Иначе купишь билет не в партер, а на балкон 3-го яруса, а там увидишь только клочок сцены, да и то шею себе свернёшь от напряжения.

В ожидании дешёвого билета не выдерживаю и усаживаюсь на пол, как это уже сделали весёлые и шумные американские студенты. До кассы остаётся каких-нибудь 20 метров... Через полтора часа я в толпе из 1 50 человек в партере венской оперы, здесь настоящий раёк, хоть и очень тесный. Туристы чинно становятся в ряд, опираясь на удобные перила по периметру этой уютной ниши, которая примыкает к самым дорогим рядам настоящего партера, где сидят в удобных креслах богатые туристы, «партер» в венской опере называется почему-то «паркет».

Мы стоим тесно, в то же время сохраняем дистанцию: американцы, французы, англичане, русские – всех возрастов и

цветов кожи, большинство из нас совершенно не в театральной одежде... но все мы в эти минуты счастливы – мы в Венской опере!

Вспоминаю определение счастья английского писателя Торнторда Уайлдера: «Счастье – это то, что отвоёвано у страдания, всё остальное называется обыкновенными житейскими благами...»

Прощание в сентябре

В толпе, усиленно работая локтями, меня отталкивает женщина и пробирается к выходу. Я снисходительно улыбаюсь и думаю: «Она полагает, что обогнала меня. На самом деле я вовсе могу не двигаться и буду на сотню-другую лет впереди. Просто она работает локтями, а я головой...»

Из дневника

– Ох, уж эта самостоятельность, – сказала мать, когда Женя уверенно заявила: «Поеду на озеро Селигер, уже деньги за отпуск получила. Возьму удочки, буду рыбу ловить, а если тепло будет, то и купаться можно».

– Одна едешь? – глядя исподлобья, задала мать самый волнующий вопрос.

– Одна.

– А почему не с Игорем?

– Мама, я же говорила, что ничего у нас с ним не было и не будет, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Он ходит ко мне чуть ли не каждый день. Все часы в доме перечинил, даже стиральную машину исправил! Я к нему привыкла: всегда вежливый, уважительный. У него и квартира двухкомнатная, и работа хорошая. Парень он трудолюбивый и тебя любит. Ну чего тебе надо?

– Мне с ним скучно, мама. Этот человек не моего уровня,

и я его не люблю. Он меня попросту не волнует!

– Вот уж причина! А то от любви много проку. Ты уже вышла замуж по любви. И что? Сын растёт, а мужа нет.

А тебе не восемнадцать! Мы с отцом не вечные, как ты будешь жить?

– Мама, ты опять, – сказала Женька и подумала, как её тошнит от циничного расчёта – стиральную машину починил и получишь взамен мою дочь. «Как же дёшево я стою в глазах матери!»

Женька продолжала «витать в облаках». Не вернул на землю даже неудачный брак. Она постаралась не заметить того, что с ней произошло. Главное – она осталась жива и здорова, а ведь могла попасть в психушку – шутка ли, три года прожить в одной комнате с неуправляемым типом!

После развода её комната с роялем показалась ей раем, и она сказала себе: «Теперь я свободна!»

Жизнь представлялась Женьке бесконечным путешествием. Она просыпалась утром, замирая от волшебства прочитанной вчера книги, и словно пускалась в новую страну, не видя, не замечая вокруг себя почти ничего.

После короткой эпопеи – поступления в студию МХАТ (из 10 тысяч девчонок её отобрали на третий тур, но здесь ей сказали: приходите на будущий год, а в этом году у нас всё договорено), надо было пережить этот провал, хотя скорее – стечение обстоятельств, ведь Женька попала во второй поток, когда основные кандидатки были приняты, оставалось

всего два места!

Чтобы успокоиться и не сойти с ума от обиды, она отвлеклась от театра и быстро поступила на философский в МГУ: два месяца занималась каждый день по 12 часов в исторической библиотеке, никто не заставлял, никто не понукал – благо с медалью нужно было сдать только один экзамен.

История философии стала любимым предметом: читала трактаты Гесиода и Марка Аврелия, размышляла над диалогами Платона, восхищалась Сократом, воистину её захватила игра Ума великих мужчин. Они обдумывали мир, они задавали друг другу вопросы, на которые до сих пор ни у кого нет ответа.

Она будто попала в бесконечный лабиринт идей и открытий. Это был мир, где человек, и даже женщина, может с лёгкостью переноситься из страны в страну, из одного века в другой. Никакие личные драмы, мелкие обиды и огорчения не могли отвлечь её от процесса Познания. Женька вышла на берег Мысли, куда завлёл её маленький ручеёк детской любознательности...

* * *

Живые конкретные люди и по сей день очень мало ценят чистую Мысль, не меркантильно-разодетую, а ту, что парит над Землёй и путешествует во времени и пространстве. Но Мысль вовсе не обижается на обывателей, она не

ищет выгоды, ей хватает себя самой. Часто, не найдя ни одного пристального взора, обращённого к ней, она покидает околоземные пространства и летит в галактические дали.

Никто не кричит ей вслед: «Постой, Мысль! Ты нам нужна!»

Все призывают Силу, Могущество, Деньги, Красоту, но лишь избранные понимают, что твоя собственная Мысль может дать тебе и истинную Свободу и неистощимую Силу. Тот, кто обладает Мыслью, – обладает всем миром.

* * *

А у мамы вечная забота – как жить, на что? Неужели в этих практических вопросах смысл жизни? Чтобы не продолжать этот мучительный разговор, Женька торопливо целует мать и сына и идёт к себе домой, в свою комнату в коммуналке, что досталась в наследство от бабушки, из-за которой и состоялось её первое замужество. Жилплощадь в Москве была в те времена неплохой приманкой для притких провинциалов, что рвались в Москву и выискивали романтических дур...

«Всё-таки странная у меня дочь, – думает Клавдия Михайловна, сидя у самодельного абажура, ловко орудуя иглой с ниткой. – Уж я ли не любила, не заботилась о ней. Упрямая, колючая, никто ей не нужен: ни я, ни сын. Всё решает сама. Недавно ушла от мужа с ребёнком двухлетним, и

нет в ней ни бабьего горя, ни раскаянья, ни щемящей женской слабости. Нет, спокойна так, будто впереди её ждёт наследство или принц какой. А сколько их в Москве, матерей разведённых! Что-то никто не рвётся их осчастливить». Нет, не понимает она дочь, холодом и тоской бьётся мысль: «И зачем так мечтала о дочке, уж лучше бы сын, всё как-то надёжней...»

* * *

Надёжность быть мужчиной ощущала и Женька. Ещё в школе решала самая первая трудные задачки по физике, обожала доказывать теоремы, но никто её в этом не поощрял, чаще удивлялись, будто негласный закон убеждал: родилась женщиной и нечего тебе рваться к мужским серьёзным занятиям. Этого никто не говорил вслух, но никто не требовал от неё того напряжённого искания, что и приводит человека из детства в серьёзную взрослую жизнь.

Женька много раз слышала, как мать с гордостью говорила кому-нибудь по телефону: «У меня дочка хорошенькая, волноваться нечего, замуж выйдет!»

Ведь не хвасталась же она её математическими способностями. В сознании матери был чётко обозначен тот жизненный предел, что приведёт её дочь к счастью. Мучительно было это первое открытие, ведь если для самого близкого человека её единственная ценность – это хорошенькая мордаш-

ка, чего же требовать от людей чужих, незнакомых?

Женька возненавидела свою внешность. Уже в детстве разного калибра дяди и тётки только и говорили слаща-венько:

– Девочка, ты не моешь глазки! – и потом в юности: – Какие красивые чёрные глаза!

«Да провалитесь, мои глаза!» – думала Женька. Никто не хотел видеть её взбудораженную душу. Как ей хотелось стать уродиной! Тогда всё мелкое и пошлое отлетело бы шелухой, никто не улыбался бы ей просто так, не заискивал.

Вот и получалось, что быть молодой и красивой – всё равно что выиграть в лотерею с природой, и выигрыш этот, полученный даром, не имеет ни цены, ни значения и не только не помогает, а путает карты Судьбы...

* * *

Женька родилась в семье, где мать и отец дополняли друг друга. Отец – идеалист, интеллектуал, мать – душа общества: весёлая, общительная, легкомысленная, она любила танцевать и покорять мужские сердца.

Эти люди умели радоваться жизни каждый по-своему: отец – новой книге или новому открытию, а мать придумывала необыкновенные наряды для себя и для своих знаменитых клиенток, которым она изредка шила.

Детей у инженера и его жены долго не было, и всю свою

молодость они много путешествовали – работали на Дальнем Востоке, проектировали новые города (мать работала с отцом в одном проектном институте), отдыхали в дружной компании в домах отдыха и даже ездили к морю, ибо санаторное лечение в те времена было доступно многим советским гражданам.

Долгие годы они были свободны и счастливы и самозабвенно предавались радостям жизни, ибо отец обожал свою работу, а мать увлекалась альпинизмом и при первой возможности отправлялась на восхождение на Кавказ или на Тянь-Шань.

Жизнь без ребёнка, а значит, и утомительных однообразных забот и вечной зависимости от кого-либо из домашних, сделала их беспечными, словно дети, которых они не имели. Женька появилась на свет после двадцати лет брака, и её рождение было праздником для матери. А ведь причина бесплодия была романтической – дерзкое купание в Енисее, в холодной сибирской реке с сильным течением, которое вполне могло закончиться гибелью.

Итак, Женька родилась в пору зрелости только видимой, на самом деле сорокалетие родителей было приурочено к моменту их первого оглядывания вокруг себя. Так бывает, когда подросток, заигравшись в компании сверстников, обнаруживает, что на дворе вечер и надо бежать домой.

После рождения дочери семья как бы распалась на два лагеря – отец, отринутый на второй план со своими фантази-

ями и изобретениями, и мать, отныне занятая выхаживанием долгожданного птенца. Забыв обо всём, она самозабвенно предалась воспитанию дочери, вкладывая в Женьку десятикратную любовь ко всем не родившимся детям.

Было нарушено стройное единство семьи, уклад жизни. А изменить, приспособиться, обрести новое единство им так и не удалось. Привычка быть свободными, несвязанными родительским долгом мешала им выйти из замкнутого круга маленьких эгоистических радостей.

Родители уже предчувствовали катастрофу неосуществлённых желаний: не достало сил и времени, чтобы легкомысленная юность и долгие годы упоения жизнью вылились в нечто конкретно-прекрасное – в новый проект у отца или необыкновенный покрой платья «для королевы» (мать к тому времени занялась модой).

Отец спешно принялся зарабатывать деньги и забросил свои изобретения, а его жена бросила рисование, подавшись инстинкту самоотверженной самки.

Мама была с Женькой постоянно: назойливая, вечно озабоченная пищевыми проблемами дочери, она могла часами сидеть подле неё и уговаривать съесть ещё кусочек. У пятилетней Жени кружилась голова от безмерной материнской любви. Талантливая весёлая мать вдруг разом забыла обо всём, что составляло её жизнь. Женька – позднее чадо, росла упрямой и возненавидела всё, что навязывала ей в своей безмерной любви мать: дорогие конфеты в ярких обёртках,

пышные наряды и банты, почти ежедневное посещение парикмахерской – всё вызывало раздражение и ярость.

Однако бацилла исключительности проникла в сознание Женьки, и спустя много лет она с благодарностью вспоминала рабски преданную мать, что в угоду своему тщеславию заставила Женьку заниматься музыкой и научила её быть естественно-элегантной, иметь свой стиль.

Отец самозабвенно любил мать, но поплатился за всегдашнее равнодушие мужчины к духовным порывам женщины. Прожив с ней долгие счастливые годы, он никогда не думал о ней как о человеке, и она, попав в долгое изнурительное рабство материнства, почувствовала свою власть над ним и отнюдь недуховную. Она попросту сумела воспользоваться силой своего характера.

Как и многие женщины, не удовлетворённые своей жизнью, она исподволь будет душить и тиранить всё лучшее, что было в её когда-то любимом муже, и это будут скрытые удары из-за угла, желание перекрыть его по своему образу и подобию.

Вместо того чтобы бороться за сохранение своей исключительной самости, мать Женьки принялась «разрушать» отца, чтобы «довести» его до своего уровня. Может быть, это справедливая кара за пренебрежение к её незаурядным способностям, которым отец не придавал серьёзного значения?

И светлый образ матери, который проступал в сознании Женьки в самом раннем детстве через пелену бессознатель-

ного, постепенно тускнел, засорялся вечной суетой возле кастрюль, разговорами о нарядах, причёсках, замораживался в одиноких ожиданиях отца.

Мама из доброй искромётной женщины со вкусом к жизни, с умением поддерживать и любить друзей-альпинистов или своих знаменитых заказчиц, жаждущая везде и всегда праздника, способная создать его сама (за что и восхищались ею, и любили многие мужчины и женщины), перестала быть центром своего дружеского райка и незаметно превращалась в озабоченную, замученную мамашу, которая уже целиком полагалась на дочь как продолжение своей неумной жажды жизни. Её мозг, живой и подвижный, постепенно замедлял свои обороты, и всё богатство этих чудодейственных клеток отныне будет занято только сиюминутным, обыденным, тривиальным, далёким от Женьки...

* * *

Мать и отец подступались к дочери с разных сторон: бывшая модельерша упорно наряжала Женю как куклу, повязывала банты, а отец покупал конструкторы и учил азам математики – науки, которую признавал единственно важной, ибо на точном расчёте строилась его любимая инженерия.

Банты и наряды раздражали Женьку, она испытывала отвращение к лоскуточкам, сумочкам и часто не понимала своих маленьких ровесниц: они хныкали, выпрашивая конфет-

ку, пеленали своих кукол и, ещё совсем маленькие, жмурили глазки, словно заигрывая, кокетничая, будто учились великой науке обольщения.

Женька уважала игры мальчишек: озорные, опасные, они требовали смелости и сноровки, и её колени всегда были ободраны. Женька лазила на деревья, играла в «чижика» и гоняла на велике как заправский пацан.

Иногда, уходя на работу, отец оставлял дочери жестяную коробку с шурупами и говорил: «Вот, придумай игру».

И тогда «железное содержимое» извлекалось на покрывало полуторной кровати родителей, и шурупы по мановению волшебной палочки воображения превращались в солдат. И начинался парад. Шеренги пехотинцев выстраивались по два или по три в ряд, затем происходили сложные перестановки, звучали отрывистые команды. Впереди стояли самые могучие воины – толстые короткие шурупы с большими плоскими шляпками, за ними шла малоустойчивая гвардия тонких. Равновесие им давалось с трудом, и Женька хотела побыстрее увести их на поле сражения, и там одним удачным броском подшипника из той же банки старалась «положить» всю «гвардию» в нижний бой. Им, возможно, удастся спрятать свои маленькие головки, и они будут ползти по-пластунски, а какой-нибудь самый смелый «солдат-шуруп» заберётся во вражеский тыл...

Боковые фланги собирали разнокалиберный шурупный сброд, там даже попадались гвозди, гайки и шайбы. В пред-

ставлении Женьки это было что-то вроде штрафных батальонов, о которых она слышала, но понятия не имела, что это значит. Послевоенное дитя с удовольствием играло в войну, не подозревая о том, что её семья, возможно, одна из тысячи, в которой никто не пострадал...

* * *

Итак, любимые игры проходили в одиночестве, когда мать оставляла Женю с бабушкой, а та, к счастью, была занята домашним хозяйством и не собиралась заглядывать внучке в рот. Тогда куклы (а они тоже дарились и покупались как атрибут воспитания девочки) разбирались на составные части и появлялись шприцы, а уколы легко оживляли пластмассовую или плюшевую армию убитых и покалеченных. Домашняя хирургия процветала.

Темперамент материнской любви обратился в Женьке в духовные игры, в её голове рождались фантазии сродни тем, что возникали когда-то в сознании дикаря, к тому же она унаследовала бурную энергию матери. Её организм требовал действия и немедленного: напряжения, выкладывания, истощения сил. Если бы можно было спуститься на дно морское или полететь в небо, она бы с удовольствием это сделала. Всё, что требовало риска, отчаянной смелости, влекло Женьку, было заманчиво до дрожи, будто генетический код завёл «биологический механизм» на немислимые обороты.

Нервные импульсы проносились со скоростью, что не дано было измерить современной наукой, требуя впечатлений и порождая в ответ бурю действий.

Женька всю жизнь расплачивалась за это огромное богатство, данное природой, – вечной жаждой, безумным и неоправданным риском во всём, за что бралась; и всегда её мучил вопрос о смысле этого движения.

В юности ей казалось, что нелепость появления на свет (в обиходе – рождение) не может быть компенсирована ничем земным и сущим, а только божественное может утолить эту нечеловеческую жажду познания и развития.

* * *

Самонадеянная мать Жени решила учить дочь музыке из тщеславия, чтобы доказать кому-то невидимому, на что способно её чадо; она сама когда-то мечтала приобщиться к людям искусства. И кто мог подумать, что пьесы Николаевой и этюды Черни незаметно уведут Женю от простых нормальных радостей, в которые свято верила мать Жени, и оставят её в недоумении перед дочерью.

А Женьке повезло: несколько лет её учителем был пианист и композитор Борис Городинский, талантливый красивый человек, влюблённый в музыку. Он импровизировал на уроках, а Женька, зачарованная, наблюдала и слушала, как из простой мелодии рождается каскад гармоний, каким-то

чудом извлекаемый всего лишь из одной только гаммы! На экзаменах они часто играли в четыре руки, и это радостное музицирование открыло ей истинное волшебство музыки, до которого часто не дотягиваются даже профессиональные музыканты.

Эта встреча помогла Женьке преодолеть барьер нудного ремесла, когда погоня за техникой высушивает и отупляет неопытные молодые души (сколько нерадивых учеников возненавидели музыку), и приоткрылась заветная дверь в стене – таинственный мир Оскара Уайльда.

Женька будто попала в волшебную страну, где ничто не страшно: ни одиночество, ни уродство, ни бедность, и только душа властна или не властна делать человека счастливым, а разум ведёт всё дальше от мелочной неразберихи страстишек, главная из которых – зависть. И тогда Женька потянулась ко всякому искусству, её манила возвышенная театральность – зазвучало Слово. Его интонация в сказках Пушкина, что читала бабушка, сидя под оранжевым абажуром, голос Литвинова по радио – всё это поглотило Женьку как омут, но здесь в игру воспитателя вступил отец.

Отец приучал Женьку к *умственной работе*, как охотник натаскивает любимую собаку на дичь, доставляя удовольствие прежде всего себе, и уж, конечно, ему и в голову не приходило, что игры в шарады, математические головоломки избавят Женьку от сонной ограниченности, в которой пребывают почти все нормальные женщины.

Как и многое в мире, эксперимент с Женькой был поставлен случайно. Отец мечтал о сыне, поэтому передавал ей как умел своё мужское могущество – думать не о мелком, а о великом, стремиться не к умножению плоти, а старался организовать её дух. Врождённые способности Женьки радовали отца, он наслаждался быстротой умственной реакции дочери и пропускал по её извилинам новую и загадочную информацию, а потом с гордостью демонстрировал дочь своим друзьям – пятилетняя девочка складывала и умножала в уме немислимые числа.

А Женька, узнав однажды радость умственной удачи, всё вокруг обращала в задачу, требующую решения. В ней заработал мозг, способный к познанию.

Игра в вундеркинда была увлекательна и не ограничивалась традиционными представлениями о том, что должна девочка, а что – мальчик. Эта стихийная метода воспитывала «человека», в котором рождалось абстрактное мышление. Мог ли думать отец о том, как далеко заведут Женьку интеллектуальные игры, к какому новому духовному качеству подготовят и выбросят как неведомую зверушку (*девочку с умом мальчика*) из конкретности обыденной жизни в мир радостей абстрактных, солнечных, необъятных, к безумию творчества и вечному вопросу: зачем я?

Отныне она не могла примириться с пошленькой житейской истиной о хорошенькой мордашке и спрашивала себя с отчаянием: «Так неужели главное в жизни женщины – вый-

ти замуж? А мир, его открытия, интересная жизнь – всё это мужчине?» И что это за чудовищное разделение на «женское» и «мужское»? Отныне её влекло «человеческое».

* * *

Решив ехать в отпуск, Женя прощалась с Москвой, с центром, что был исхожен вдоль и поперёк, понятен как родной близкий человек.

Только в шумном большом городе человек одновременно одинок и ощущает себя в толпе, причастным сотням людей, их лицам, заботам, радостям и волнениям. Город порождает обособленность, но и излечивает от неё тех, кто умеет наслаждаться богатствами культуры, кто бежит от одиночества в театр, консерваторию, кто знает и любит проникновенную тишину музеев.

Женька понимала эту тишину, жадно впитывала, но особенно была привержена музеям Пушкина на Волхонке и в Хрущёвском переулке и часто бывала в музыкальных салонах Москвы – в квартире Гольденвейзера и в доме Скрябина. Именно в них она испытала вечную радость, не омрачённую ничем, воспитала в себе пристальное внимание ко всему происходящему и спасалась от житейских бурь, обманов и разочарований.

Слово в маленьком уютном зале музея Пушкина было живым, всемогущим и будто только для тебя, оно прилетало из

другого века, останавливало течение обыденной жизни и начинало другую жизнь, неподвластную времени, – жизнь поэзии и музыки.

Молодые и зрелые научные сотрудницы музея имени Пюта были не от мира сего. Маленькая зарплата возвышала их над житейскими проблемами, а Женька организовывала литературно-музыкальные концерты под руководством Анны Соломоновны Фрумкиной: ездила по школам – собирала публику, ходила в типографию, дарила трёшку директору, чтобы печатал «дешёвый музейный заказ», пила красное вино вместе с толстыми и весёлыми наборщицами, которые прочили её в «любовницы» директора. Над этой легендой Женька от души смеялась, бегала с цветами из музейного сада к самому Дмитрию Журавлёву: в общем, была младшим сотрудником на побегушках за 62 рубля 50 копеек.

Этот давний опыт сослужит ей неоценимую службу через много лет в другой стране, при иных обстоятельствах, когда она, будто заразившись страшной болезнью приобщить всех к прекрасному, будет посылать приглашения, составлять афиши, искать залы, радоваться и восхищаться таланту в людях, и станет хозяйкой своего музыкально-литературного салона.

* * *

Лестница, ведущая в зал с колоннами в музее Пушкина

на Волхонке, однажды привела Женьку к настоящему прозрению – она поняла, что может творить настоящий художник с теми, кто умеет видеть. Картины Ван Гога причинили ей сильную физическую боль, она словно пропустила через себя отчаяние этого бедного идеалиста, который находил сочувствие только у почтальонов.

Какая сумасшедшая страсть заставляла его искать верный колорит для своих простых и гениальных картин? Может быть, это Послание было предназначено персонально ей? Учиться видеть, страдать и оживлять мёртвую натуру Словом или Мелодией?

* * *

Женька с детства впитала суету и шум города, да, именно большой город воспитал её: сделал глаза зорче и внимательней к тысячам вещей, что двигались или стояли на месте, живые или каменные изваяния, враждебные или равнодушные. Женька жила взахлёб, умирая от жажды нового... Постоянное напряжение требовалось для того, чтобы пробираться в потоке машин и людей, и постепенно состояние борьбы делалось привычным и доставляло радость, как радуется спортсмена сильный противник.

В словесных и умственных баталиях, в институте и на работе, Женька чувствовала себя как на шумном перекрёстке в центре Москвы, когда нужно внимательно следить за маши-

ной справа, и слева, и сзади, и ещё предполагать неведомую причину, что собьёт тебя с ног и совершенно неожиданно прервёт только что начатую мысль, а заодно и жизнь...

Но страха не было, потому что в эту игру она играла с детства, а с годами появился азарт – чем больше опасностей, тем увереннее она себя чувствовала: находила нужное слово, отвечая на резкий выпад коллеги, или загадочно улыбалась случайному знакомому.

А сейчас тянуло побродить по центру, окунуться в толпу, поймать чей-то взгляд, попытаться разгадать чьё-то лицо и просто пройти по родным улицам...

Женька шла по Пушкинской, повернула в Художественный проезд, перешла на другую сторону и мельком посмотрела на здание театральной студии МХАТ, сердце забилось сильнее, щёки мгновенно покраснели, как будто горячая волна окатила с ног до головы, волна воспоминаний.

«Дальше, дальше от этого проклятого места», – подумала она и повернула за угол, вздохнула свободней и вошла в толпу на улице Горького, как в мягкий и вкусный пирог с разноцветной начинкой. Вышла к Манежной площади и перешла улицу к зданию гостиницы «Националь», остановилась на мгновение, посмотрела на площадь и залюбовалась вычурными краснокирпичными зданиями музеев и ахнула про себя – ведь как часто здесь хожено, а только сегодня посмотрела внимательно на всю эту красоту.

Дальше маршрут был простой: дойти до улицы Герцена,

зайти в клуб МГУ – может, театр Розовского порадует новой премьерой. Но в клубе никого не было, и Женька пошла к Повторке (кинотеатр повторного фильма), что так часто дарил ей шедевры Антониони, Феллини, Михалкова-Кончаловского и других режиссёров. Она сбегала с лекций, чтобы посмотреть и слушать итальянское бельканто в фильме «Аида» с Софи Лорен, плакать над мелодрамой «Шербурские зонтики» или «Ночи Кабирии»... Фильм «Дворянское гнездо» она смотрела раз десять, содрогаясь от красоты дворянской жизни, – будто фантастический сюжет про другую планету, и ждала с нетерпением сцену, когда выйдут женщины-соперницы и споют дуэт «Ивушки» – юная Купченко и известная Беата Тышкевич. А герой из бывшей дворянской жизни лежал в траве, покусывая стебелёк, над ним был немислимо яркий солнечный день, долгий и одновременно короткий, будто сама жизнь...

Маршрут к «Повторке» был любим ещё и потому, что вспоминалось радостное безумие юности, бесконечные прогулки со своим будущим мужем-артистом, и посиделки на лавочке, и поцелуи, что казались прелюдией к новой взрослой жизни, а рисовалась она идеально-правильной...

Но юность была беспечна и глупа, и самой большой трагедией было несостоявшееся свидание. А между тем каждая новая встреча приближала к невесёлой разгадке любви, к самостоятельности, что поначалу кажется камнем на шее, и только спустя много лет Женьке удалось упорядочить ма-

ленькие и большие проблемы жизни для того, чтобы осталось время для себя, для своего духовного роста и обновления.

И тогда, будто отдав молодость всю сразу без остатка, судьба возвращает тебе её по крупицам в маленьких открытиях и неожиданных радостях опыта.

* * *

Откуда эта покорность судьбе? Почему молодость так беспечна, почему так запросто отдаёт то, чему цены нет? Почему только Случай становится властелином целой жизни, и даже нет терпения дождаться своего Случая – ни первого, ни второго?

Наверно, потому что любовь – это вовсе не отношение к тебе любимого, нет, любовь – это, прежде всего, отношение тебя к себе самому, это признание твоей собственной ценности и отстаивание своих прав через другого. Попросту – это утверждение себя в другом!

Как легко было покориться чуждому страданию, не думая о той кропотливой работе, что совершила Природа, создав её – женщину с разумом и душой, развив её способности так, что они могли стать началом грандиозной работы Духа.

Сколько веков прошло, прежде чем в цепи поколений появилось именно такое сочетание генов, а социальный мир изменился настолько, что позволил Женщине получать Зна-

ния из рук Его Величества Мужчины...

Но насмешница Природа щедро создаёт и легкомысленно разрушает...

* * *

Да, невесело было думать о том, что первый раунд с судьбой проигран: лучшие годы юности ушли на борьбу за освобождение от монстра-мужа – российская провинция производила в достатке энергичных и талантливых проходимцев, что рвались в столицу, полагая, что только здесь они могут показать миру свои невиданные таланты. Женька пожалела вечно голодного студента...

Однако можно ли упрекать их, если Москва семидесятых была действительно великолепа! Прогулка по центру могла вылечить от самых невесёлых воспоминаний и порой дарила настоящее вдохновение – лучшие стихи она написала именно в толпе, на шумном перекрёстке, задыхаясь от душевной боли и отчаяния.

Город действовал на подсознание, будто заводилась невидимая пружина восприятия. Дома, их фасады, портики, колонны – всё это богатство архитектуры, вернее, красота, открытая глазу в повседневности, учила гармонии, создавала внутренний ритм.

Женька вышла с бульвара на улицу Горького и пошла к памятнику Юрия Долгорукова, завершая круг почёта. Тёмно-красное здание Моссовета с ажурными решётками – бастион власти и притон квартирной коррупции, куда ей ни разу не довелось проникнуть. Фасад «дворянский», а начинка «советская», и охрана как в Кремле – часовой с винтовкой. Как-то знакомый архитектор приглашал отобедать в ведомственном буфете, но у Женьки не оказалось паспорта. Здание так и осталось совершенно чужим, непонятным местом, где кипела совсем другая жизнь, где, как в знаменитом «Казино», ставки были крупные, а жильё было бесплатным – удивительный парадокс социализма.

А всем известный взяточник Гришин (последний главарь Моссовета до «перестройки») закончил свои дни в Собесе, где униженно выпрашивал повышенную пенсию за свои аферы...

Подумав об этом, Женька ринулась под горку вниз, в толпу родного Столешникова переулка, сплошь забитого магазинами и лотками. Она шла всегда по самой середине проезжей части, и толпа обтекала её с обеих сторон. Здесь, на подходе к дому, происходили уличные знакомства, здесь когда-то пробиралась она как опытный водитель с коляской своего первого сына. И раздражённый провинциал-пешеход

однажды спросил её, почему это она задерживает движение. Она остановилась и крикнула приезжему:

– Чёрт возьми, я здесь живу! Дайте, наконец, дорогу!

Её трясло от этой провинциальной наглости: два миллиона проездом и пролётом в день – этот напряжённый ритм московской жизни она выдерживала полжизни...

Наконец – двор-колодец, что обдаёт тебя запахом только что испечённых пирожных. Слева был кондитерский магазин, где можно было съесть знаменитый «Наполеон» за 22 копейки («перестройка» уничтожила островки сладко-дешёвого порядка для простых смертных).

Во дворе на лавке возле пекарни отдыхали толстые бабы в огромных белых шароварах, будто натурщицы Лотрека, резко выписанные на фоне ярко-кирпичной стены. Они жадно и бесцеремонно разглядывали Женьку, и под их взглядами её потертая замшевая куртка, купленная в комиссионке, превращалась чуть ли не в царскую мантию. Ведь они были привязаны к своему сиюминутному отдыху, а Женька была свободна.

И она ощутила остроту минутной передышки после сладкого пекла пекарни и от души пожалела женщин, что не представляли свою жизнь без изнурительного тяжкого труда у огромных железных печей и однообразных движений изо дня в день...

Она почти бегом дошла до закутка в правом углу двора. При разделе огромной коммунальной квартиры ей и её со-

седям досталась та половина, что была с чёрного хода, телефон остался тоже у тех счастливиц, что входили в высокий светлый подъезд с витражами, поднимались по широким лестницам, не боясь грохнуться в темноте. А Женьке каждый раз приходилось открывать незаметную боковую дверь, и карабкаться по крутой лестнице со ступеньками разной высоты, и каждый раз заново привыкать к их неправильности. Чистой эта лестница никогда не бывала, очень уж тут всё располагало к небрежности, свет от лампочки был анахронизмом.

Теснота не позволяла остановиться и поговорить с проходящей мимо соседкой. Встречному человеку приходилось или протискиваться между стеной и тобой, либо ждать на маленькой площадке между лестницами, пока встречный гражданин или гражданка прошмыгнут в свою квартиру. Собственно, даже разглядеть друг друга не удавалось из-за тесноты и спешки.

Женька научилась входить в свой коммунальный раёк бесшумно, чтобы никто из любопытных соседок не выскочил из комнат с ненужными вопросами. Как устала она от этого назойливого внимания: ухмылочек, плотоядного любопытства к твоей жизни.

Она крадучись пробирается по коридору, замок смазан машинным маслом, и на двери её комнаты – картонный кружок на ниточке «НЕТ ДОМА», как в хорошем отеле (Женька нарисовала его сама, а увидела нечто в таком духе в каком-то

зарубежном фильме). Теперь остаётся тихо открыть крепкую деревянную дверь и почувствовать себя в безопасности.

* * *

Почти метровая стена позволяла сделать целый шаг, прежде чем ты попадал в женькину комнату. Кто знает, какие сокровища скрывает старая кирпичная кладка, но главное, что дом стоит прочно и выдержит ещё не одно поколение жильцов.

Женька по московским меркам была богатая особа – комната целых 20 метров в её полном распоряжении (соседей совсем немного – всего три семьи). Человеку, который входил сюда, сразу становилось ясно: здесь царили книги и рояль. Взяв под свои мощные лапы четвертую часть пространства, он оправдывал нагромождение старинных столов, шкафчиков и полок. Впрочем, присутствие вкуса «выстраивало» эту дореволюционную мебель в некую композицию, а картины друзей-художников на стенах и собственный автопортрет в небольших просветах между книжными полками делали жилище кабинетом надомника-мыслителя, как прозвал Женьку один знакомый поэт.

У окна, которое упиралось в стену напротив, без ног и подставок вросли в пол две тумбы письменного стола из дуба, богато украшенные резьбой. Женька с трудом тащила его по частям с помойки своего двора – к счастью, в те времена

ещё не было моды на старину. Сверху был прилажен кусок, отпиленный от крышки предыдущего рояля «Шрёдер» – наследство бывшего мужа-артиста.

И хотя инструмент этот ещё при жизни владельца издавал звуки весьма слабые, однако во времена одиноких вечеров (артиста никогда не было дома) Женька буквально спасалась от депрессии, играя романсы или что-то из классики. Кроме того, она привыкла именно к большому чёрному сооружению в своём доме, и никакое пианино не могло заменить основательную радость владения роялем.

Немалыми усилиями ей удалось скопить сумму, по современным понятиям ничтожную (три года Женька берегла каждый рубль), а знакомый настройщик помог купить недорого представителя рояльной династии «Беккер».

Участь прежнего рояля была решена: попытки его продать убедительно доказали, что большинство нормальных людей предпочитает проигрыватели и магнитофоны.

Старый рояль «Шрёдер», не пригодный к музыке, чем-то напоминал бывшего мужа, не пригодного к семейной жизни. Избавление от рояля и от мужа было одинаково трагичным. Женька тщетно старалась оживить прямострунку и залатать трещины в деке, но, потеряв надежду даже подарить кому-либо музыкальный шедевр XVIII века, приняла решение вынести его во двор.

Там простоял он у стены дома недели две беспризорным, пока не был замечен музыкальными старьевщиками и уве-

зён, чтобы отдать свои молоточки и струны какому-нибудь более новому музыкальному собрату.

Избавление от мужа длилось более года – по доброй воле ему совсем не хотелось оставлять комнату в центре Москвы в удобной близости от театра. К тому же нищиеанец-муж никак не мог понять, чего не хватает Женьке? Он жил своей нелёгкой театральной жизнью, не посвящая молодую жену ни во что, не имел друзей, был всегда мрачен и однообразно груб. К Женьке он относился как к некой живой вещи, которая готовила ему ужин и от которой он с отвращением отворачивался сразу после соития, которое по форме напоминало насилие.

После первого года замужества Женька родила сына, но так и не поняла, из-за чего это так много женщин и мужчин сходят с ума от любви. Единственное чувство, которое она вынесла из первого брака, – ненависть к конкретно взятому индивиду, который хотел использовать её в качестве бессловесной рабыни.

В отличие от рояля, «подобрала» мужа вполне реальная женщина-инженер, которая нашла в нём то, чего Женьке найти не удалось.

* * *

Новый рояль излагал свои мысли вполне пристойным музыкальным языком, разве что требовал частой настройки,

ибо не держал строй музыкальной души и звук «расплывался» под напором новой для него эпохи.

Женька закрывает плотнее обитую дерматином дверь, однако желание тишины иллюзорно – кухонный мир врывается в её комнату воплями соседок, а громогласные монологи дяди Бори – это своего рода театр одного актёра, причём, не лишённого таланта. В Древней Греции он, наверно, смог бы стать знаменитым. Но, увы, при социализме возможности каждой личности менять профессию и плавно переходить от бухгалтера к философу были почти не реальны.

Итак, Женька садится на трёхногую табуретку – столярный шедевр отца, наследство не слишком удобное, но доказательство многих способностей родителя-инженера – достояние или тяжёлая каторга всеумения.

Наконец тишина. Женька настраивается, целый день её преследовала одна мысль, нужно вспомнить. Что-то по поводу...

В дверь стучат:

– Женя, ты дома? Помоги!

«Моих соседок никаким кружком «Нет дома» не отпугнёшь. Двигаться не хочется, но голос Марии Степановны энергично-молящий. К тому же, я догадываюсь, в чём дело».

– Что, опять? – выглядывает Женя за дверь в надежде, что ошиблась.

– Да, он там. Поможешь?

«Попробуй вам не помоги, вы и дверь выломаете», – ду-

мает Женя и выходит из комнаты.

Мы спускаемся вниз по лестнице и видим привычную картину: муженёк Марии Степановны лежит на пороге, запрокинув голову. Шляпа валяется в стороне.

– Совсем немножко не дошёл, – говорю я, будто ритуал доставки соседского мужа – приятное для меня дело. – Я беру за плечи, а вы за ноги, – говорю деловым тоном, не терпящим возражений, хоть здесь у меня есть выбор.

Маленький щупленький дядя Боря совершенно безучастен к нашим манипуляциям – он пьян до бесчувствия. Мне кажется, он нам доверяет своё уже немолодое тело.

В молодости он был, говорят, вполне культурным человеком, работал старшим экономистом на большом заводе, потом что-то случилось, и в разговоре появляется вскользь слово: «проворовался». Однако не настолько, чтобы попасть в тюрьму, его всего лишь перевели в кочегарку. Постепенно он из полуинтеллигента превратился в простого работягу, перестал приходить на работу в чистых рубашках, почему-то заговорил басом, мешая свою прежнюю речь с непристойной бранью, как бы попадал в водовороты непривычных выражений, взялся за унылое занятие одинокого выпивохи. С женой Марией они развелись давно, но жилищный кризис принуждает их жить в одной комнате.

Мария Степановна не догадывается, почему я помогаю ей в нелёгком ремесле жены алкоголика. Мы с дядей Борей немного друзья. Никто об этом не знает. Он иногда захо-

дит ко мне бочком, искоса поглядывая на дверь. Приносит книжки, что накануне выбрал на моей полке, и мы немного философствуем. Этот тихий пьяница в нашей коммунальной квартире относится ко мне с уважением. С тех пор как он услышал мой старенький рояль, его душа откликнулась на мою игру, и всякий раз, встречая меня в коридоре, он почтительно кланяется.

В среднем подпитии, когда ноги ещё держат его, дядя Боря похож на Демосфена. Прежде чем начать «выступление», он долго бродит по коридору, вдруг внезапно его «озаряет», он принимает позу оратора и начинает свой бесконечный монолог:

– О люди! Как вы ничтожны! И ты, Мария, родившая мне сына, погрязла в блуде, ты моё наказание, ты мой грех перед богом! – вещает он хорошо поставленным голосом.

Кто и когда научил его так проникновенно произносить слова, остаётся загадкой, и о каком-таким блуде Марии идёт речь – тоже неясно.

Бывают сцены, достойные Бокаччио: Мария Степановна моется в ванной, а её бывший муж, крадучись, подходит к двери и вдруг изо всех сил кричит:

– Мария! Ты ещё не утонула?

Из ванной комнаты доносится возмущённый испуганный визг и брань. Задвижка щёлкает, Мария выпрыгивает из ванны, бросается в открытую дверь грудастым голым телом и со всей силой, добытой цветущей зрелостью, толкает дядю Бо-

рю. Он летит как футбольный мяч прямо в мою дверь, благо она точно напротив ванной комнаты. Если я забыла запереть свою обитель (вот отчего я часто пользуюсь замком), то бедный «оратор» влетает ко мне и валится на спину посередине комнаты, как перевёрнутое насекомое лапками вверх.

Такой конфуз его смущает, он долго шаркает ножкой, прежде чем протиснется обратно в коридор. После инцидента с Марией дядя Боря, напоследок, проклинает всех и вся, но, как бы извиняясь, особенно громко желает счастья «в будущей жизни просвещённой личности». Соседки не понимают, о ком это он, а я самонадеянно думаю, что это он говорит обо мне. Разгорячённый сыгранной сценой, бывший экономист гордо удаляется в свою проходную комнату.

Выступления дяди Бори особенно проникновенны в дни зарплаты, но их пыл постепенно угасает по мере истощения кошелька. В трезвом виде он скромен и даже угрюм, а главное – предельно тих, и его маленькие глазки смотрят в пол.

Но сейчас я держу дядю Борю за плечи, его голова бьётся где-то возле моего мускулистого бедра, я не только читаю философов, но и занимаюсь спортом (постоянно тренируюсь в бассейне и каждый вторник езжу верхом на лошади), и всё же приходится напрягаться изо всех сил, но мы дружно преодолеваем двадцать ступенек. В дверях происходит заминка – дядя Боря что-то бурчит и дрыгает ногами. Мария не без удовольствия бросает «свою половину», ноги грохаются, а я в неудобной позе пытаюсь удержать остальную часть тела. В

конце концов я приваливаю свою ношу к стене и делаю дыхательную гимнастику. Ещё несколько метров, и мы заволакиваем «тело» в комнату и водружаем на узкую кровать.

«Ну, на сегодня, кажется, хватит, – думаю я и решительно направляюсь к себе, предварительно вымыв руки и брызнув в лицо холодной водой. – Да, неплохая тренировка для тяжеловоза». Решительно щёлкаю замком, и вновь тишина.

Однако вернуться в прежнее состояние не удаётся. Мысль безнадёжно потеряна, забыта, растаяла от физического напряжения. Зато во всём теле приятная усталость.

Женька пытается заниматься аутотренингом: садится на коврик у дивана и произносит про себя: «Жизнь прекрасна. Мне хорошо, я совершенно спокойна». Формула успокоения повторяется несколько раз, она делает пять ритмичных вдохов и выдохов. У неё кружится голова, и ей нестерпимо хочется спать...

* * *

Она шла по цветущему лугу. Лес то подступал со всех сторон таинственным мраком, то ласкал шорохом листьев и пением птиц. Она вошла в берёзовую рощу, но лес быстро кончился и показалась большая светлая поляна, окружённая темнеющими деревьями. Можно было повернуть назад, но что-то манило и упрямо звало: «Иди!»

Переходить поляну было страшно, как будто кто-то

ждал её там, за опушкой, поглядывая исподволь из-за деревьев. И она решила обойти поляну лесом, неслышно ступая на мягкий мох, чувствуя, как ноги скользят и проваливаются. Она всё-таки шла вперёд, подчиняясь упрямой дерзости, и вот, наконец увидела продолжение лесной тропинки, но не кинулась к ней, а остановилась неподалёку, чтобы присмотреться – нет ли кого поблизости.

Яркий день сменился сумерками, они сгущались очень быстро, и она уже была готова довериться этой темноте, пренебречь своим страхом и идти вперёд, но вдруг, совсем недалеко от неё что-то зашевелилось, и волна холодного ужаса окатила её с ног до головы.

Так хотелось кричать и бежать, сломя голову, забыв обо всём, но огромным усилием воли она сдержала себя и замерла, будто древний инстинкт самозащиты напомнил ей, как спастись от врага, если не можешь побороть его в открытом бою...

Всмотревшись во тьму, она увидела, что по краям тропинки стоят огромные исполины – не люди и не звери, а вросшие в землю каменные изваяния. Сердце забило так сильно, что она положила руку на грудь и стояла тихо, словно сливаясь с деревом, к которому прижалась. Но «они» вдруг все разом зашевелились и медленно повернулись в том направлении, где стояла она, будто учуяли лёгкую добычу... Она метнулась к высокому дубу и стала карабкаться вверх, не помня себя.

Чёрные тени обступили дерево, стали раскачивать его, но вдруг она поняла, что становится маленькой, невесомой. Руки превратились в прозрачные крылышки, ноги срослись в подвижное брюшко стрекозы, и она легко вспорхнула с вершины дуба и полетела над лесом, неся маленькую головку с выпуклыми бусинками глаз.

Мир стал иным, он стал огромен, но страх прошёл. Она опустилась на луг, села на высокую травинку и услышала голоса. Это цветы сплетничали о ветре, о грузном толстом жуке, что пыхтел рядом...

* * *

Просыпаясь, Женька подумала мыслями той потерянной в лесу девочки – будто поняла, что пережитый ужас обратился в свободу и прозрение... Она сидит несколько минут в темноте, потом зажигает лампу над трельяжем, смотрит на часы: оказывается, спала всего пятнадцать минут. Створки трельяжа как волшебные зеркала: можно менять угол и найти зеркальную бесконечность, как в портрете Сальвадора Дали, но Женьке нужен всего лишь собственный профиль. Странно, слева черты лица тоньше, правильнее, а справа грубее, незавершённое. Нет симметрии в живом.

Вдруг она оборачивается на пристальный взгляд, да это глаза Ван Гога, его автопортрет оживает у неё на стене. Но ведь это всего лишь литография! Женьке становится страш-

но. Она подбегает к стене, снимает портрет великого нидерландца и прячет его под рояль. А про себя думает: «Господи, да он просто потонул как корабль, что был слишком полон, и этот груз был для него невыносим, груз человеческих страданий. Так что же – понять человека, и через него открыть себя, и выстроить невидимую лестницу своих успехов и поражений, и победить свой первый страх оказаться хуже своих мечтаний о мире, о себе? Так вот отчего люди сходят с ума?»

Почему весь мир не молится Ван Гогу? Человечество признало его великим, и очередной миллионер вешает его картины в своей галерее – символ *страдания*. Знаменитые подсолнухи Ван Гога, которые может нарисовать любой мало-мальски талантливый художник, превращаются в символ *откровения...*»

* * *

А изредка Женьку переполняет страх смерти, она просыпается среди ночи, и ей кажется, что она пережила короткую смерть, но, убедившись, что жива, начинает думать о другом страхе – бессмысленности отведённого тебе времени и пространства. И вот – надо «пройти» все эти страхи, надо совершить путешествие «за тридевять земель», сразиться хотя бы во сне с «чудом-юдом заморским», и тут тебя одолеет самый последний страх, что не вынесешь на

своих плечах эти тайны...

* * *

Женьке не хватает света в самом прямом смысле: тёмный колодец комнаты, окна которой упираются в стену, давит на неё. Нужно уехать хоть ненадолго от одиноких мыслей...

Завтра она пойдёт в манеж и будет сидеть на обыкновенной живой лошади, и можно, наконец, не думать о жизни, а просто жить, дышать, ходить! Делать самые простые и понятные ребёнку движения... Да-да-да! А сейчас немного музыки как пилюля перед сном.

Женька ставит пластинку, не выбирая, – ничего, кроме классики, народных русских песен и французских шансонье у неё практически нет, где-то валяются всем известные шлягеры, пригодные для гостей. Но сейчас у неё в руках симфония Сезара Франка. Могучая фантастическая мелодия рождается из «маленького ручейка», что с трудом пробивается в корнях гигантских деревьев и наконец вырывается из сумерек леса в широкое раздолье полей. Здесь гремят грозы, полыхают пожары, слышится рожок пастуха, растёт и крепнет Мелодия Жизни, как картина, на которой художник попытался изобразить не мгновения, а века...

Женька стряхивает оцепенение, выключает проигрыватель, и ей хочется живой музыки. Она долго настраивается, разыгрывается, разминает пальцы, встаёт и отодвигает од-

ноногий табурет, который привезён ещё из Ленинграда, где Женька начинала свои музыкальные упражнения, а семья переехала вслед за отцом, который проектировал подземные туннели метро.

Она начинает с прелюдии Баха, как бы заражая себя скрытой энергией механического движения, за которым угадывается страсть и желание освободить себя от однообразного повторения звуков и вырваться к Мелодии, от красоты которой сжимается сердце.

Женька нервно дёрнула страницу нот – пассаж никак не удаётся, пальцы как паучьи ноги передвигаются по клавишам, а звук получается трескучий, будто из земли вырывают сухую ломкую траву.

Проходит час, Женька терпеливо соотносит напряжение и силу прикосновения пальцев к клавишам, слушает звук, который, как живое существо, откликается то тихим стоном, то яростным криком. Постепенно ей удаётся вовлечь себя в азартную игру: будто все неровности заполнились, и Женька плывёт от такта к такту как опытный гребец в лодке – она разобрала трудный кусок с бемолями из ноктюрна Шопена. Прошло ещё немного времени, и тарабарщина пальцев сменяется ясным и чистым переливом форшлагов, что растянулись на целую строчку, и она почувствовала облегчение, как школьник, отсидев терпеливо урок, получает лакомый кусок торта и тянется к нему, предвкушая аромат крема...

«Как жаль, что никто не слышит, как я играю этот нок-

тюРН», – подумала Женька, неблагодарно забыв о только что испытанном блаженстве. И она вновь «взобралась» на очередное крещендо, как будто поднялась по ровной и приятной дороге, что ведёт к храму, чьи очертания уже надвигаются на тебя...

Женька закрыла ноты и попыталась вспомнить концерт Моцарта, который она играла когда-то со школьным оркестром, соревнуясь с Милочкой. Перед выступлением она долго стояла на пороге кулис, оркестр настраивался, они были единой семьёй, от публики их охраняли пюпитры с нотами, а Женьке было страшно. Наконец её вытолкнули вперёд, в то пространство, где каждое её движение будет оценено сотнями глаз. Она шла по сцене уверенно, чтобы никто не усомнился, что с ней всё в порядке, но, сев к роялю, она никак не могла найти педаль, как будто потеряла свой вес и улетила неизвестно куда. А потом, начав играть, боялась пропустить паузу, не торопить пассаж, иначе... Что могло тогда случиться? Никто не собирался делать из неё пианистку, чего ей было бояться? Но тогда казалось, что происходит что-то очень важное, на грани жизни и смерти...

Совсем недавно, читая одного знаменитого психолога, Женька узнала, что даже навык играть двумя руками, не подчиняясь параллельности действия, заложенной в нас природой, умение действовать как бы отдельно и согласованно, постепенно вырабатывает в человеке самый сложный механизм, тренирует некий психофизический ансамбль. Твоё со-

знание становится как бы дирижёром, у которого в подчинении столько инструментов: глаза, что смотрят в ноты; левая нога на педали «пиано»; правая нога – на «легато»; а руки выделывают немислимые вещи: правая – пассажи и арпеджио на 2–3 верхних октавах, а левая забирается в дебри басов с аккордами и подголосками трагических и радостных созвучий правой...

Но блаженное состояние «властелина» приходило к «дирижёру» лишь после долгих упражнений, и завоёвывалось многолетней борьбой с неуклюжей неповоротливостью пальцев, и, конечно же, ленью, но изредка приводило, как ни странно, прикованного к «музыкальной галере» мальчика или девочку к истинной свободе своего Я.

Действительно, осознанное движение, движение, которое опередила твоя мысль, когда ты сумел мысленно представить себе себя и вслед за учителем повторил урок, что задал себе сам. И одно и то же действие вдруг становилось притягательным только благодаря освещающей его мысли...

– Однако хватит заниматься самоанализом, – сказала себе Женька вслух и улеглась спать.

* * *

Утром она быстро складывает в сумку: брюки, сапоги, кепку, сухари, морковь, чтобы подкормить лошадь. Хоть бы успеть, хоть бы достался сегодня приличный коняга, пусть

хоть Состав, бывший орловский рысак, кастрированный, маленький и упрямый.

Женька забывает обо всём на свете и несётся вверх по переулку к троллейбусу, что идёт по улице Горького. Она замирает у окна в блаженном предвкушении приключения...

...Вот и калитка в глухом заборе, что выходит на широкий и шумный Ленинградский проспект. Только что здесь сновали люди, гудели машины, проползал троллейбус с вытянутыми руками стрелок, цепляющихся за провода, и вдруг открылась дверь и начался другой неожиданный мир.

Асфальт переходит в пыльную дорогу, по краям которой растёт обыкновенная трава, не тронутая ничьим равнодушным вниманием. Причудливые репейники, лопухи и дикие цветы в беспорядочном движении к солнцу кажутся райским уголком, землёй обетованной.

Женька чувствовала, что всё это богатство тривиальных признаков нахлынуло на неё и сложилось в картину, отличную от той, что представилась бы взору любого другого человека, прошедшего вместе с ней путь от калитки до манежа, туда, где ждали своего часа живые настоящие лошади.

Здесь освобождалось её подсознание, будто воспоминания предков гнали её в природу, и она впадала в некое восторженное состояние. Как художник смотрела она на эту непривычную «натуру», стараясь различить как можно больше оттенков, поражалась их несообразным единством, и картина, столь обычная для конюха, что с ленивым видом брал-

ся за обихаживание лошади, представляла началом фантастического чуда вроде «сталкеровской зоны» в черте города.

На самом деле конюх только притворился ленивым, нет, он влюблённо смотрел на лошадь, холил её, вкладывал силу и знал, что не пустая это работа, она проявит себя в резвом размеренном беге, в рёве толпы на трибуне, в напряжённом жесте наездника, что будет ловко удерживать лошадь от излишней удали на поворотах, и этот жест опытного лошадника Женька уловила и поняла всем существом. Она заворожённо напряглась вместе с ним, будто сама поднимала руку и заводила скребок, прошедший по спине рысака. Она словно преумножила в себе это движение, вобрав его красоту, смелость и добрую покровительственную силу.

Узкие длинные лошадиные казармы и карусели для выгуливания рысаков, наконец, приводили к круглому тупичку, где одиноко или группами стояли «прокатчики» (так презрительно называли эту публику местные конюхи и наездники). Это была очередь, но вовсе не за колбасой или сапогами. Группа беспокойных людей обсуждала самые немислимые вопросы.

– Какое сегодня настроение у Грады (кличка лошади)? Как вела себя в манеже гнедая кобыла акалхетинской породы? Почему у неё такие удивительно тонкие ноги и чуть раскосые глаза, как у настоящей газели? И как её угораздило попасть в «прокат»?..

Мальчишки и девчонки разного возраста нетерпеливо

ждали момента, когда им разрешат седлать лошадь. Весёлыми стайками толпились совсем юные наездники. В лошадином царстве они чувствовали себя придворными чуть ли не самых высоких рангов. Они-то знали, чего они хотят. Они пришли, чтобы покататься на обыкновенной живой лошади. Среди «прокатчиков» были и солидные дяди и тётки, они немного стеснялись своего увлечения, им нужно было найти себе какое-нибудь оправдание – что-то вроде лечебной гимнастики при радикулите или моциона для похудения. Увлечаться верховой ездой просто так – приходиться и любоваться лошадью – было как-то странно и даже нескромно. Никто из них не захотел бы признаться, что его охватывает священный трепет при виде бегущей лошади, что его притягивает это движение, стройность ног, что несут так изящно округлость крупа... Недаром Платон назвал лошадь одним из символов Прекрасного...

Почему так хочется подражать этой свободной уверенной грации, что не в состоянии победить ни шенкеля ежедневно и унижительно меняющихся наездников, ни подпруги, что каждый новичок норовил затянуть по-своему, ни однообразное замкнутое пространство маленького круга с брезентовыми «нарукавниками» для выхода и входа?

Нет, ничто не могло разрушить волшебного очарования свободной и независимой красоты. Она жила, она была доступна, она была преступно дешева, но спасало то, что насладиться ею мог только смелый человек, пусть неуклюжий,

но влюблённый в природу городской смельчак. При этом к мизерной плате (прокат лошади в час в те далёкие годы стоил всего один рубль) в денежных знаках прибавлялось свободное проявление человека, поверившего в себя. Речь шла о некой свободе, коей владеют не все дети, а только правильно воспитанные, и очень редко – взрослые. При этом надо было соблюсти столько условий! Быть в меру здоровым и крепким; знать, что лошади существуют в городе, а не только в кино и в воспоминаниях какого-нибудь великого писателя. К тому же надо было преодолеть извечный сковывающий страх среднего горожанина.

Люди, что выбрали себе это странное занятие – ездить верхом, заметно отличались от людей, которые никогда об этом не помышляли, и даже если бы им нужно было преодолеть массу трудностей, дорога на другой конец города, борьба у кассы за билетом, унижительные окрики тренера на манеже: «Эй, вы там, на Тациде!» или «Эй, вы там, на Граде!»

Но даже если бы ничего этого не было, если бы вдруг кто-то «нежно приглашал» (что в то время даже представить себе было нельзя) взять под уздцы ту или иную лошадь и садиться на неё по собственному усмотрению, то большинство городских людей с ужасом отмахнулось бы от такого нелепо-смешного занятия.

Тренер стоял в центре круга с бичом или без него и отпускал команды скорее лошадям, чем наездникам. Он позволял себе высокомерную грубость, ибо знал, что тот, кто пришёл

сюда, выдержит всё, готов к любому испытанию, лишь бы попасть в этот давно забытый мир, оторваться от канцелярской возни с бумагами и вспомнить запах навоза и ощутить ностальгический зов природы.

Опыт бывшего спортсмена давал тренеру право откровенно презирать смешных нескладных дилетантов, которые, сев на лошадь, совершенно терялись и тут же забывали, где у них правая, а где левая нога. Они никак не могли выпрямить спину или правильно подтянуть стремя. Эти смешные люди, доверившись ему и даже рискуя жизнью, ведь лошадь могла при малейшей ошибке наездника серьёзно его покалечить, жадно слушали каждое слово команды и пытались изо всех сил обрести равновесие и почувствовать, наконец, тяжесть своего тела.

Лошадь делала новичков почему-то совершенно невесомыми, и большие дяди и тётки смешно подпрыгивали, клонились то в одну сторону, то в другую, хватались за гриву, и казалось, что бегущая по кругу лошадь, не прилагающая никаких усилий к своему движению, гораздо более осмысленное существо, чем двуногая марионетка, подпрыгивающая на ней.

Женька знает, почему её как магнитом тянет в манеж, почему так сладко замирает сердце, когда она входит в денник к лошади. Надо забыть про страх и сделать большой смелый шаг вперёд, встать под шеей лошади, обхватить её руками, и, ласково уговаривая, пробраться к шершавым губам, и вста-

вить трензель между зубами – все эти мелкие движения требуют ловкости, сноровки и силы.

Теперь это большое животное в твоей власти, ибо повод при натяжении причиняет ей боль, и лошадь становится послушна. Сердце у Женьки уже не колотится так сильно, а ещё нужно принести и положить седло на крутую лошадиную спину, предварительно расправив подседельник и застегнуть подпруги, которые должны ровно лечь под брюхом лошади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.